

6+

Максим Капустин
*Две маленькие девочки
и сказочные истории*

Максим Капустин

**Две маленькие девочки
и сказочные истории**

«Издательские решения»

Капустин М.

Две маленькие девочки и сказочные истории / М. Капустин —
«Издательские решения»,

Попытка привести в печатный вид истории, рассказанные на ночь детям.
Постепенно короткие рассказы обрели продолжения, обросли подробностями
и вот они перед вами

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	14
Глава 6	15
Глава 7	17
Глава 8	19
Глава 9	20
Глава 10	21
Глава 11	22
Глава 12	23
Глава 13	24
Глава 14	25
Глава 15	26
Глава 16	27
Глава 17	28
Глава 18	29
Глава 19	30
Глава 20	31
Глава 21	32
Глава 22	33
Глава 23	34
Глава 24	35
Глава 25	36
Глава 26	37
Глава 27	38
Глава 28	39
Глава 29	40
Глава 30	41
Глава 31	43
Глава 32	44
Глава 33	45
Глава 34	46
Глава 35	47
Глава 36	48
Глава 37	49
Глава 38	50
Глава 39	51
Глава 40	52
Глава 41	54
Глава 42	56
Глава 43	59
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Две маленькие девочки и сказочные истории

Максим Капустин

© Максим Капустин, 2026

ISBN 978-5-0070-5485-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Две маленькие девочки и сказочные истории

Глава 1

Глава 1. История первая. Две маленькие девочки

Одной из них было семь лет. Её звали Кира. Непослушные светлые волосы спадали ниже плеч, оканчиваясь двумя пучками, держащимися на больших заколках с белыми бантами. В тот день на ней было тёмно-красное бархатное платье до земли, а на ногах — аккуратные туфельки-лодочки чёрного цвета.

Второй девочке было пять лет. Её звали Оля. Светлые волосы образовывали причёску каре. Была она в чёрном платье до земли и лёгких белых кроссовках.

Эта история началась тогда, когда девочки вышли прогуляться в летний сад. Солнце внезапно скрылось за круглой чёрной тенью. Ветер стих, а всё окружающее накрыла тишина.

Откуда ни возьмись на дорогу выскочил упитанный серый заяц. Поднялся на задние лапы и с интересом посмотрел на стоящих неподалёку девочек. Пошевелил носом, принюхиваясь к незнакомкам, а после неспеша поскакал в сторону леса. И всё бы ничего — мало ли в округе живности, вот только на голове у этого зайца, прямо промеж ушей, красовались ветвистые коричневые рога.

— Ух ты! — сказала Кира.

— Хи-хи! — засмеялась Оля и кинулась вслед за зайцем, намереваясь поймать его и ошастливить своими самыми сильными объятиями.

Заяц, почуяв неладное, обернулся, и, увидев погоню, подпрыгнул на месте так высоко, что ему стала видна вся округа. Впереди справа простиралось поле зелёной травы — по пояс взрослому человеку, а уж ребёнок или заяц терялись в зарослях с головой. Не раздумывая, рогатый направился туда.

— Кхм, — сказала Оля, остановившись возле зарослей, куда ускакал заяц.

— Ты хочешь идти за ним в траву? — спросила подошедшая Кира и попробовала протиснуться между гигантским лопухом и серебристой полынью, размером никак не меньше небольшого дерева.

— Конечно, это же необычный заяц! Нам непременно нужно выяснить, откуда он такой взялся, — сказала Оля и, взяв Киру за руку, смело двинулась в поле.

Зайца не было видно, словно он не оставлял следов или просто пропал. Немного поплутав между зарослей, девочки вышли на круглую полянку. Трава на ней была аккуратно скошена и собрана в ровные конусы, а посередине росли красивые оранжевые тыквы: маленькие, размером с виноград; средние, с футбольный мяч; и несколько больших, никак не меньше легкового автомобиля.

Оля подошла к одной из тыкв и ткнула пальцем в румяный бочок.

— Ай! — ответила тыква и недовольно повернулась. — Невежливо, знаете ли, при первом знакомстве сразу пальцами лезть.

Оля от неожиданности плюхнулась на землю.

— Какая вы интересная! — с восторгом сказала Кира и принялась вплотную разглядывать говорящее растение.

Тыква прищурила маленькие узкие глазки и фыркнула. Тем временем весь остальной огород на поляне задвигался и зашумел.

— Идут, идут! — зашушукались тут и там восторженные овощи.

Недовольная тыква повернулась к девочкам и сказала:

— Мы собрались сегодня здесь, чтобы посмотреть на свадьбу наших дорогих друзей.

Затем выпустила мясистые зелёные побеги и, отталкиваясь ими от земли, медленно поползла в общую кучу, где уже скопились остальные. Маленькие тыковки забирались сверху на большие, чтобы лучше было видно. Средние протискивались в передние ряды.

Высокая трава громко зашуршала, и на поляне появилось огородное пугало. Оно прыгало на длинном суку от дерева, заменявшем ему и туловище, и ногу, оставляя в земле глубокие круглые следы. Вместо головы у него была высохшая тыква, украшенная сверху чёрным цилиндром с оторвавшимся верхним краем, который висел на боку и напоминал открытую консервную банку. На руках-вениках был надет потёртый пиджак, тоже чёрного цвета. Из нагрудного кармана выглядывал свежесорванный цветок ромашки, и совершенно непонятно было, как он туда попал, так как вместо пальцев у пугала были неподвижные прутья.

— Друзья мои! — заявил гость на всю поляну. — Спешил к вам так быстро, как только мог. Вы все станете почётными свидетелями на моей свадьбе!

Тыквы радостно зашумели, засвистели и засмеялись.

— А вот и она. Представляю вам мою невесту.

С этими словами на поляну грациозно запрыгнуло другое пугало. На вид точно такое же, только на голове у него была прогрызенная соломенная шляпа с куском белой кружевной занавески, изображающей фату. А одето оно было в выцветшее сиреневое платье с большим следом от утюга посередине. Пугало-невеста переплело руки-прутики с руками пугала-жениха, и церемония началась.

Прилетел крупный серо-чёрный ворон с очками на клюве. Начал расхаживать взад и вперёд перед новобрачными и торжественным голосом каркать на всю поляну:

— Кар-кар! — сказал он и внимательно обвел взглядом огород с тыквами. — Каар! — глянул на притихших в стороне девочек, затем обернулся к пугалам и продолжил: — Кар кар кар, каркар. Кааар, кар!

— Может, мы пойдём? Мне кажется, что мы мешаем, — Кира дёрнула Олю за рукав.

Но та не обращала внимания. На краю поляны из-под большого листа крапивы выглядывал рогатый заяц и с интересом наблюдал за церемонией. Оля на цыпочках, стараясь не шуметь, пошла к нему.

— Кар-кар-кар! — воодушевлённо вещал ворон.

Тыквы восторженно смотрели. Пугала держались за руки. Заяц опустил правое ухо, а левое задрал повыше и повернул в сторону Оли. Затем встал на задние лапы, почесал мягкое, толстенькое, серое пузо и внимательно посмотрел на девочек. Оля остановилась и стала делать вид, что увлечённо следит за свадьбой.

Рогатый фыркнул и нырнул в траву. Оля бросилась за ним.

— Стой! — крикнула Кира на всю поляну и помчалась следом.

— Кар! — недовольно возмутился ворон вслед удаляющимся девочкам.

Травяное поле расступилось, и из зарослей могучего репейника выбежала девочка Оля. Светлые волосы слиплись на макушке в бесформенный ком. Чёрное платье до земли местами стало коричневым от глины, а местами — зелёным от травы. Некогда белые кроссовки теперь представляли собой два пучка из слипшейся с землёй соломы.

Следом выбежала девочка Кира. Длинные светлые волосы у неё были усыпаны колючками. Красное платье стало коричнево-чёрным: один раз она упала вперёд в глину, а один раз — назад на землю. Туфельки-лодочки потерялись где-то в поле.

Перед девочками находилась калитка их дома. Ярко светило солнце. Кира позвонила в звонок на воротах. Щёлкнул открывшийся замок. Оля с сожалением оглянулась на то место, откуда они пришли. Вместо бескрайнего поля травы стояли маленькие деревянные домики, а за ними простирался сосновый лес.

Глава 2

Глава 2. Лес

Однажды девочка Кира и девочка Оля гуляли по своей улице. Было ясное солнечное утро. На голубом небе не было ни одного облачка. Дул лёгкий тёплый ветерок. В деревьях веселились стайки воробьёв, а вдалеке пел свою песню соловей.

На девочке Кире была цветастая футболка с глупой рожицей, синие джинсы и белые кеды. Оля была одета в футболку с изображением розововолосого тролля, чёрные спортивные штаны и синие кроссовки.

Девочки зашли уже достаточно далеко и собирались возвращаться обратно домой, как вдруг из соседнего дома на них прилетел порыв холодного ветра, заставив поёжиться и прижаться друг к другу. Входная дверь с грохотом слетела с петель и улетела в заросли малины. Покрякивая и вздыхая, из дома выкатилась пыльная, затянутая паутиной булка — размером со среднюю собаку, потрескавшаяся с нескольких сторон и слегка приплюснутая.

Подкатившись к девочкам, булка остановилась. У неё проявился большой рот и открылись морщинистые глаза. Кира с Олей прижались друг к другу ещё сильнее. Круглый осмотрел девочек, подмигнул и покатился дальше. Прокатился вдоль дорожки и направился по тропинке в лес.

— Что это было? — спросила Кира, глядя вслед удаляющейся диковине.

— Пошли посмотрим, — ответила Оля, и они вместе пошли по тропинке за катающейся булкой.

Спустя пять минут из леса раздался странный шум, а ещё через пять девочки наткнулись на не по-летнему белого зайца. Он сидел на старом пеньке, прижав уши, и пустыми глазами смотрел себе под ноги.

— Здравствуйте, мистер Заяц! — сказали девочки одновременно, потом посмотрели друг на друга и засмеялись — как это у них ловко получилось.

Заяц почему-то не засмеялся. Он продолжал сидеть на месте и, казалось, даже не дышал.

— Зайчик, у тебя что-то случилось? — спросила Оля, подойдя поближе.

Из леса подул порыв ветра. Заяц упал с пня на бок, да так и остался лежать, безучастно глядя в никуда.

— Пойдём дальше, он странный, — сказала Кира, потянула Олю за руку, и они снова пошли по тропинке.

И снова издали раздался странный звук. Немного погодя девочки встретили волка. Он старательно копал землю посередине тропинки и уже был весь в комьях глины и опавших сосновых иголках.

— Пойдём быстрее отсюда, пока он нас не заметил, — сказала Кира.

Девочки на цыпочках стали пробираться за кустами, подальше от серого хищника, то и дело поглядывая, чем он там занимается. Волк лёг в вырытую яму и начал себя закапывать. Когда Кира с Олей уже окончательно его обошли, из-под земли остался торчать один только нос.

Снова раздался звук из глубины леса. С недовольным карканьем слетели с насиженных веток местные вороны. Немного погодя девочки встретили медведя. Тот с ужасом карабкался на тоненькую берёзку, то и дело падал и, ломая ветки, лез обратно.

— Здравствуйте! — снова одновременно в голос сказали девочки.

Медведь схватился лапами за грудь, пошатнулся и потерял сознание.

— Да что тут такое творится? — вскричала Кира. — Почему все так странно себя ведут? Оля пожала плечами. Решено было двигаться дальше.

Вскоре девочки вышли на полянку и увидели интересную картину. Посередине стояла красивая рыжая лисичка, а у неё на носу сидела знакомая катающаяся булка. Морщинистые глазки были открыты, а рот медленно растягивался во всю длину круглого тела. Лиса откровенно облизывалась и прищуривалась.

И тут хлебобулочный монстр запел. Голос его походил на смесь паровозного гудка с рёвом раненой белуги. А громкость имел такую, что звуковой волной погнуло ближайшие деревья, примяло траву и распугало всё живое во всей округе. Лису унесло куда-то под облака и понесло в сторону соседнего города.

Девочек кубарем прокатило по всей лесной тропинке, и остановились они только возле калитки родного дома. На девочке Кире был сплошной слой из иголок и шишек. На девочке Оле — слой из сухой травы и веток. Они переглянулись и отправились домой.

Глава 3

Глава 3. Ночь

На ночном дворе, освещаемом лишь робко выглядывающей из-за тучки луной, всюду заливались лаем собаки. Охрипший, подслеповатый Рекс спрятался за конурой и оттуда настойчиво предупреждал, что он готов защищать дом, но пока что, на всякий случай, посидит в засаде. Собака Помидорка залезла под кучу сваленных досок, выставила наружу свой длинный нос и подавала голос, не видя ничего вокруг.

Все были напуганы странными гостями, словно из воздуха возникшими возле окна дома. Серый ослик с отчётливо выступающими клыками и ветвистыми рожками, на спине которого сидел толстенький коричневый заяц — тоже с рожками. Они всматривались в тёмное окно, молча переглядываясь. Полную луну закрыла тень затмения. Собаки притихли и спрятались.

На длинной деревянной кровати, стоящей у правой стены, спала девочка Кира. Одета она была в пижаму-единорога — синюю с белыми ушами и хвостом. Правой рукой она крепко сжимала белого плюшевого медведя. На маленькой деревянной кровати, стоящей возле левой стены, спала девочка Оля — в точно такой же синей пижаме-единороге, заляпанной манной кашей и малиновым вареньем. Вокруг неё были разбросаны всевозможные куклы, маленькие фигурки из киндер-сюрпризов, а также кукольная одежда, сушёные каштаны и карандаши.

На полу комнаты остались лежать следы недавней игры. Стоял сделанный из книг замок. Рядом стояли пластмассовые дракончики, солдатики в героических позах. Собранные из конструктора самолёт и поезд везли на себе медвежонка с красной шубкой и кукольную принцессу.

По стенам и потолку гуляли тени — от сбившихся в угол занавесок, от проезжающих вдалеке машин, от тучек, закрывающих собой свет луны. Только одна из теней не шевелилась. Она притаилась в углу, и даже когда особо большая и чёрная туча закрывала собой всё небо, и комната погружалась в темноту, отчётливо выделялась.

Девочка Кира и девочка Оля сладко спали, когда зловещая тень выползла из своего угла и, увеличиваясь в размерах, поползла по полу в сторону детских кроваток. Когда до них оставалось уже немного, маленький белый мишка, лежащий на подушке, поднялся на лапки, погрозил тени крохотным мягким кулачком. Затем подпрыгнул и приземлился прямо на голову спящей рядом Кире.

Девочка открыла глаза и недовольно осмотрелась. В комнате никого не было. Оля спала с открытым ртом, свесив с кровати розовую пятку. За окном возле жёлтой луны проплывали серые тучки. Кира повернулась и, обняв белого мишку, уснула.

Прошло время. За окном усилился ветер. Начал завывать сквозь едва заметные щели в стенах, просачиваться через воздухопроводы по полу и свободно гулять по всему дому. Ворвавшись в комнату, ветер принял очертания огромного чёрного змея. Хвост его метался из стороны в сторону, а голова раскачивалась словно в танце. Из открытой пасти высунулся трепещущий раздвоенный язык.

— Ш-ш-ш-ш! — зашипел змей, глядя на спящих детей.

Сорвались со шкафа два разукрашенных фломастерами самолёта. Закружились в потоке ветра и спикировали на страшного змея, заставив его недовольно раствориться в воздухе.

Ещё немного, и первый лучик солнца осветит неприметный деревянный домик, заглянет в окошко к спящим девочкам, заставит проснуться и собираться по делам. Громадный серый волчище, неведь как попавший в дом, высунул нос в комнату со спящими девочками и облизнулся. Тотчас все игрушки повскакивали на ноги и начали швырять в хищника всё, что было под рукой: кусочки всевозможных конструкторов и пазлов, запасные части от машинок и

паровозиков, сушёные каштаны, шишки и всё прочее, чем был усеян пол после вечерних игр. Волк поспешил убраться подальше.

Наступило раннее утро. Прокукарекали вдалеке первые петухи. Залаляли проснувшиеся собаки. Толстый рогатый заяц постучал передней лапкой по голове рогатого ослика, тот понимающе кивнул, и они вместе, словно дым, растворились в воздухе.

Глава 4

Глава 4. Репка

Был солнечный летний денёк, когда девочка Кира и девочка Оля отправились на кухню своего маленького деревянного домика, чтобы подкрепиться. Сначала они открыли все нижние шкафчики и полочки. В некоторых из них были ложки, в других — кулинарные книжки, в третьих — куча больших и маленьких пакетов, однако ничего съестного ни в одном из них не было. Тогда они взяли стул и начали проверять верхние большие шкафы. В них оказались стопки тарелок, запасы кофе с чаем, приправы и прочие мало съедобные вещи. Тогда настала очередь холодильника.

С огромным трудом девочкам удалось открыть дверцу — она надежно приклеилась и ни в какую не желала пускать внутрь посторонних. Внутри оказалось скопление огромных кастрюль и сковородок. Девочки попробовали вытащить хотя бы что-то самое маленькое, но не смогли даже сдвинуть с места.

— Ничего не получится, — сказала огорчённо девочка Кира. — Вот она, наша еда, но она слишком тяжёлая.

— Может, поищем вокруг дома? — предложила девочка Оля. — Когда-то у нас во дворе росла малина.

— Точно. А ещё смородина. Пойдём поищем.

Они оделись и вышли на улицу. За домом действительно обнаружился куст малины и два куста смородины. Вот только их закрывали огромные заросли жгучей крапивы. Девочка Оля попробовала протиснуть руку между колючих стеблей, но крапива, изогнувшись, укусила её за палец. Девочкам даже показалось, что заросли предупреждающе зашипели. Или это был ветер.

— Буум! — раздался шум на другой стороне дома.

Девочки переглянулись и помчались туда. Посреди участка за домом из-под земли вылезла громадная жёлтая репка с кустом зелёных листьев сверху.

— Нужно её в дом, а там порежем и съедим, — сказала, облизываясь, девочка Кира.

Девочка Оля кивнула.

Они пошли к входной двери. Кира обула чёрные ботинки с липучками. Оля нашла фиолетовые кроссовки с белой полоской и надела их. Они отворили входную дверь. Собаки, увидев девочек, запрыгали и залаяли, радостно завиляли хвостами. Сидящие на проводах возле дома вороны недовольно закаркали.

Большая жёлтая репка торчала из земли, свесив зелёный хохолок. Девочки обошли её с одной стороны, затем с другой. Кира пнула её ногой, за что Оля погрозила ей пальцем.

— Ты чего пинаешься? Мы её кушать будем, а ты не мытым ботинком бьёшь.

— Ну так она и сама не мытая. Сидит в немытой земле.

— Её дождик моет.

— Мои ботинки тоже дождик моет, — Кира зажмурилась и показала язык.

Оля, передразнивая, сделала то же самое.

— Как же мы будем её тянуть? Может, откопать? — Кира взяла лежащую неподалёку палочку и попробовала поковырять землю под репкой. — Не. Не получится. Тут нужен самосвал.

— Не самосвал, а экскаватор. Ничего не знаешь, — Оля опять показала язык.

— Не экскаватор, а эскаватор, — Кира тоже показала язык и демонстративно отвернулась.

— Девочки, вы чего ругаетесь? — заглянула во двор соседка. — Ох, вот это репка у вас выросла. Давайте-ка я вам помогу.

Женщина схватилась за зелёную ботву и стала тянуть.

— Ох, не смогу. Помог бы кто.

Сорвавшиеся с привязи собаки подбежали к соседке и, схватившись зубами за куртку, стали помогать тянуть.

— Никак, — прокомментировала девочка Оля, потрогав пальчиком репку.

— Совсем не тянется, — подтвердила девочка Кира. — Нужно, чтобы кто-то ещё помог.

Дремавшая на подоконнике кошечка Капелька широко зевнула. Затем нехотя спрыгнула на травку и подошла к репке. Бабушка-соседка схватилась за верхушку и стала опять тянуть. Собаки схватились зубами за её куртку и начали помогать. Кошка схватила зубами собачий хвост и, упиравшись всеми лапами, тоже потянула.

— Попроще тянуть-то. Будто репка легче стала, — удивилась соседка и в недоумении остановилась.

Репка зашевелилась, затряслась. В румянном жёлтом боку появилась дырочка. Оттуда высунулся серый усатый нос и стал выгрызать по кругу, постепенно вырезая в репке маленькое узорчатое окошко. Закончилось всё тем, что в проёме появились аккуратные белые занавески и внутри зажёгся свет.

— Пойду я, пожалуй. Темнеет уже, — сказала соседка и ушла к себе.

Собаки посмотрели ей вслед и тоже пошли к своим будкам. Помогли друг дружке пристегнуть к ошейникам цепочки и, положив головы на лапы, чутко задремали. Кошка Капелька запрыгнула на окошко и снова растянулась во весь подоконник.

— Уже так стемнело, — девочка Кира посмотрела на первую загоревшуюся на небе звёздочку.

— И похолодало, — девочка Оля как можно сильнее обняла себя обеими руками.

— А как же мы попадём домой? Дверь захлопнулась, а ключиков мы не взяли, — Кира подошла к входной двери дома и подёргала ручку. Было закрыто.

— Иди смотри быстрее, — донёсся с огорода голос Оли.

Она села на коленки и разглядывала в маленькое окошко, что у репки внутри. Кира подошла и тоже заглянула.

Внутри оказалась уютная комнатка. В углу стояла вырезанная из репки кровать, небольшая тумбочка, на которой стоял и светился кусочек свечи. А на самодельном стульчике сидела серая мышка в косынке и очках. В лапках у неё была книжка, которую она увлечённо читала.

— Ух ты! — в один голос прошептали девочки, и мышка обратила на них внимание.

Она отложила книжку в сторону, сняла очки и показала лапкой на кровать, предлагая войти. Девочки переглянулись и с удивлением обнаружили, что уменьшаются. Вскоре они стояли на окошке, вполне способные пролезть внутрь репки. Они сели на кровати напротив мышки, получили от неё по кусочку сладкой мякоти и слушали волшебные сказки, пока не заснули.

Утром девочки проснутся дома, в своих кроватках, а мышка, помахав на прощанье лапкой, возьмёт домик-тыкву за верёвочку, и тот, на приделанных ночью колёсиках, покатится вслед за ней вдаль.

Глава 5

Глава 5. Жизнь вокруг

Большой пушистый кот жёлтого цвета гулял по лесу. Он привыкал к новым, незнакомым запахам, прислушивался к странным звукам. Вокруг было столько непонятного и страшного. Дикie животные, стараясь не шуметь, прибегали на кота посмотреть.

Волк высунул нос из куста дикой малины. Кот сидел под большим лопухом и сосредоточенно жевал толстого земляного червяка.

— Наверное, думает, что он птичка, — волк задумчиво почесал правое ухо. — Странный какой-то. Пойду-ка я отсюда.

Прилетели вороны и начали громко переговариваться, глядя на кота.

— Смотрите, смотрите, Каарр! Он сидит возле старой сосны и выковыривает лапой жуков. Толстых, сочных жуков, Каарр! И ест их. Смотрите, он не кот, он ёжик! Летим отсюда, Каарр!

Упитанный коричневый заяц с ветвистыми рогами на голове недоверчиво прищурился. Впереди пушистый жёлтый кот, нисколько не таясь, с аппетитом жевал пучок травы.

— Он, наверное, считает себя коровой. Или лошадю. Лучше близко не подходить.

Косолапый медведь притаился из чащи леса, чтобы посмотреть на диковинного кота. Тот прыгал по полянке и собирал землянику.

— Сюда за ягодами приходит только девочка Кира со своей сестрой Олей. Их я знаю. А что это за зверь — не понятно. Пойду-ка я домой.

Вечером пушистый жёлтый кот вернулся домой.

— Вот ты где был! — подбежали девочка Кира и девочка Оля. — Мы тебя везде искали. Тебя никто не обижал?

А кот только довольно облизывался и мурлыкал.

Глава 6

Глава 6. Кот

— Я устал. Я ухожу, — проговорил упитанный белый кот вполне человеческим голосом. Девочка Кира и девочка Оля от неожиданности сели на пол и разинули рты.

Кот, как ни в чём не бывало, взял зубами первый попавшийся пакет и ускакал с ним в другую комнату.

— Эээ... — протянула Оля и почесала раскрашенную зелёнкой голову. У неё позавчера доктор обнаружил ветрянку, и теперь нельзя было ходить на улицу. Повсюду высочили мелкие противные прыщики, которые не успевали смазывать зелёнкой.

— Как так-то? — спросила Кира вслед убежавшему коту. Затем схватила Олю за рукав красной вязаной кофточки с Дедом Морозом и потащила за собой.

В соседней комнате уже кипели сборы. На кровати были разложены: любимые кошачьи спортивные штаны, на которых он так любил висеть, вцепившись всеми четырьмя лапами; одна игрушечная мышка без хвоста; одна игрушечная мышка с хвостом и разноцветными следами краски; один чёрный порванный носок, который так весело подбрасывать до самого потолка, а затем ловить; и помятая, пожеванная игрушка, когда-то изображавшая мультипликационного тролля.

— Подожди, ты куда? — с удивлением прокричала девочка Кира, врываясь в комнату.

Девочка Оля ничего не сказала, а только грустно посмотрела на кота и заплакала.

— Мяу, — ответил кот, не переставая складывать вещи. — Вы меня за шкурку по всему дому таскали?

— Ты изображал сумочку, — сквозь слёзы оправдывалась Оля.

— А кто меня сначала в жёлтый покрасил, а потом в синий?

— Мы хотели сделать из тебя покемона, — девочка Кира так и стояла в дверях, не решаясь войти.

— А подгузник и соска? И ещё чепчик в рюшечках?

— Ну ты же ещё маленький...

— Я взрослый кот. И у меня тоже есть самоуважение.

— Ааа! — ещё громче заревела Оля. — Не уходи!

— Мяу, — решительно сказал кот, схватил собранный пакет зубами и пошёл на выход.

Девочка Кира побежала за ним следом, оставив зареванную Олю в комнате. Перед входной дверью он осмотрелся, тяжело вздохнул, потом прыгнул на ручку входной двери. Та со скрипом отворилась, и кот поспешил выпрыгнуть на улицу.

Снег во дворе никто не чистил с начала зимы. Кот завяз в метровой высоты сугробе.

— Мяу, — жалобно донеслось откуда-то из середины двора.

— Оля, быстрее сюда! Кот утонул! — Кира бросилась одевать на себя всё, что попадалось под руку.

— Как утонул? Где? — Оля ураганом влетела в прихожую, забыв о том, что минуту назад безутешно рыдала, сидя на полу.

— В сугробе. Вон, смотри, — Кира показала на сугроб во дворе.

— Мяу, — подтвердил сугроб.

— Бедненький! — вскрикнула девочка Оля и прыгнула вслед за котом.

— Оля! — вскрикнула девочка Кира и тоже прыгнула во двор.

Девочка Оля сидела на полу кухни, вся мокрая и сопливая. Рядом примостилась девочка Кира — в валенке на одной ноге и тапочке в виде зелёного зайца на другой. На голове у неё всё ещё была меховая мамина шапка, а вместо куртки — старая выцветшая кофта с оленями.

Упитанный белый кот сидел на обеденном столе и усердно вылизывался.

— Мяу, — сказал он с досадой. — Не пойду сейчас. Пусть март наступит, а там посмотрим.

Закончив приводить себя в порядок, хвостатый спрыгнул на мягкий стул, свернулся калачиком и задремал.

Глава 7

Глава 7

История седьмая.

Был тот самый час вечера, когда солнце уже решило, что пора спать, а ночь ещё не уверена, что готова заступить на дежурство. Небо стало сиреневым, и на нём зажглась первая, самая смелая звёздочка.

На девочке Кире была синяя пижама в оранжевых динозавриках, а на девочке Оле — зелёная, в жёлтых утят. Они вышли во двор попрощаться с днём и вдохнуть запах вечерних цветов.

И тут их носы уловили нечто странное. Не запах сирени или скошенной травы, а тёплый, сладкий, бесподобный аромат свежей... плюшки? Или даже целого пирога? Он витал в воздухе, обволакивал и манил куда-то за калитку.

— Это от соседей печёт? — спросила Кира, приподнимаясь на цыпочки.

— Нет, — уверенно сказала Оля, пошевеливая носом как гончая. — Он оттуда.

И она показала в сторону старой тропинки, что вела не в лес, а к заброшенному фруктовому саду. Девочки переглянулись. Правила говорили, что после ужина за калитку не ходят. Но правила ничего не говорили про волшебный запах, который сам тебя зовёт.

Они взялись за руки и пошли.

Сад встретил их тишиной и длинными тенями. Яблони, груши и сливы стояли, как чёрные кружевные великаны. А запах становился всё гуще, слаще, прямо-таки материальным. Он привёл их к самой старой яблоне, ствол которой был пустой внутри, как домик.

И внутри этого домика-ствола... пекли. Маленькая, не выше колена, старушка в цветастом платочке суежилась у миниатюрной печки, сложенной из глины и ракушек. На столе из щепки лежали крошечные, с напёрсток, румяные пирожки. Старушка, не глядя на гостей, вытащила новую порцию, махнула на них ситцевым фартуком — и пирожки выросли до самого того, что ни на есть нормального, девичьего размера.

— Ммм! — не выдержала Оля.

Старушка вздрогнула и обернулась. Лицо у неё было как печёное яблоко, всё в морщинках-складочках, а глаза — два блестящих изюминки.

— Ой, гости! — проскрипела она. — А я, признаться, думала, запах только для светлячков да для лунных зайцев. Ну раз пришли — садитесь.

Девочки присели на пенёк. Старушка, которая назвалась Бабкой-Яблонькой, стала угощать их пирожками. В одном была малина, в другом — черника, в третьем — неведомая сладкая пыльца. А с каждым пирожком девочки чувствовали что-то новое. После первого по щекам пробежал лёгкий ветерок с гор. После второго — услышали, как поёт спящая в колыбельке-почке листик. После третьего — сами чуть не запели от счастья.

— Вкусно? — спросила Бабка-Яблонька, и её глаза-изюминки лукаво блеснули.

— Очень! — хором ответили девочки.

— Это потому что начинка — не просто начинка. Это заботы. Забота солнышка, что светило. Забота дождика, что поливал. Забота земли, что кормила. И моя забота, что растила. Съедая пирожок, вы эту заботу в себя принимаете.

Тут с верхней ветки старой яблони упало огромное, совсем красное яблоко. Оно не стукнулось о землю, а мягко приземлилось и покатилося к девочкам. Из-под него выставились две тонкие ножки в башмачках из коры.

— А это мой почтальон, Яблоко-Катунок, — представила Бабка. — Отнесёт вас домой, а то ночь на носу.

Девочки, недолго думая, уселись верхом на гладкое красное бочко. Яблоко-Катунок дрогнуло, потом мягко тронулось с места, набрало скорость и покатилося по тропинке из сада, так ловко огибая кочки и корни, что ни одна из девочек даже не испугалась.

Они оглянулись лишь у своей калитки. Бабка-Яблонька махала им с порога своего ствола ситцевым фартуком. А в руках у Киры и Оли, откуда ни возьмись, оказалось по теплему пирожку — для мамы и папы, чтобы и они попробовали заботы.

И когда они зашли в дом, пахнувший уже не пирогами, а обычным вечерним чаем, им показалось, что в самой обычной комнате стало чуть теплее, уютнее и... заботливее.

Глава 8

История восьмая.

Дождь начался внезапно и решительно, будто кто-то на небе опрокинул гигантское решето с водой. Девочка Кира и девочка Оля смотрели на потоки, стекающие по стеклу, и скучали. Все книжки перечитаны, все игрушки надоели.

И тут Оля заметила кое-что. Капли дождя, стекая по оконному стеклу, не просто бежали вниз. Они... играли. Маленькая капелька догоняла большую, сливалась с ней, и они вместе, уже тяжёлой серебряной жемчужиной, мчались к подоконнику. А на пути у них были острова-капельки, которые держались особняком, и мосты из пылинок, и целые водопады.

— Смотри, — прошептала Оля. — У них свои дороги.

— И своя жизнь, — кивнула Кира.

И тогда они решили помочь. Взяли цветные мелки для стекла и осторожно, чтобы не спугнуть, начали рисовать на окне. Кира нарисовала широкую, удобную горку-желоб, по которой капли могли скатываться веселой гурьбой. Оля нарисовала лабиринт с поворотами и развилками.

Кажется, дождь это оценил. Капли дружно устремились на цветные дорожки. Те, что попали на горку, весело и быстро съезжали вниз, подпрыгивая на конце. Те, что попали в лабиринт, задумчиво бродили по коридорам, выбирая путь. Окно превратилось в огромную, сияющую на сером фоне дня игровую площадку.

Вдруг одна очень смелая капля, самая круглая и блестящая, вместо того чтобы бежать вниз, закатилась в самый верхний угол окна и замерла. Она не скатывалась, а будто смотрела во двор.

— Ей скучно одной, — догадалась Оля.

Кира поднесла к стеклу палец, и снаружи, прямо напротив одинокой капли, выросла из дождя и воздуха другая — такая же круглая и блестящая. Они оказались разделены лишь тонким стеклом. Обе капли прижались друг к другу, растеклись в плоские прозрачные блинчики, и стало казаться, что они тихо шепчутся.

А потом случилось чудо. Дождь за окном стал менять форму. Он уже не просто лил. Он собирался в силуэты. Сначала получился пушистый кот, который тут же рассыпался на тысячи брызг. Потом — цветок, машина, корабль с парусами. Это капли, наверное, рассказывали своим уличным сёстрам про весёлые горки и лабиринты, и те захотели поиграть тоже.

Девочки сидели, прижавшись лбами к холодному стеклу, и наблюдали за этим немым, сверкающим карнавалом. Они больше не скучали. Они были дирижёрами невидимого, струящегося оркестра.

Дождь начал стихать. Капли на стекле становились реже и мельче. Те, что были нарисованы мелками, скатились последними, оставив цветные дорожки размытыми, как акварель.

И когда выглянуло солнце, и в луже на дороге появилась огромная радуга, Кира и Оля увидели, как последняя, самая упрямая капля на их окне, та самая, что нашла подругу, медленно скатилась по нарисованному мелком сердечку и исчезла.

На стекле остались лишь цветные разводы. Но девочки знали, что в следующий дождь игра начнётся снова. Потому что они теперь знали секрет: скука живет только там, где нет цветных мелков и немножко волшебства.

Глава 9

История девятая.

Во дворе поселилась Тишина. Не простая, а густая, пушистая, послеобеденная. Даже вороны на проводах дремали, не раскаркиваясь. Девочка Кира и девочка Оля лежали в гамаке, подвешенном между старой яблоней и столбом для белья, и смотрели сквозь листву на белые облака-кораблики.

И тут Тишина чихнула.

Это был не звук, а скорее чувство. Воздух содрогнулся, листья на яблоне дрогнули, не издав шелеста, и облака на секунду замерли.

Девочки переглянулись.

— Это что было?

— Не знаю. Но кажется, Тишине простылось.

Они слезли с гамака и стали на цыпочках обходить двор, как заправские доктора. Пес Бублик, обычно такой шумный, лежал, уткнувшись носом в лапы, и только вздрагивал ушами. Кот Васька сладко спал на крыше будки, свернувшись так плотно, что казался меховым пончиком. Всё было приглушённо, заволочено этой мягкой, больной Тишиной.

И тогда Оля придумала.

— Ей нужен тёплый компресс! — решительно прошептала она. — Из звуков. Но нежных.

Они прокрались в дом и вернулись с сокровищами: Кира несла папин старый бубен, покрытый пыльной кожей, а Оля — мамину флейту, которую та не трогала со школьных лет.

Кира не стала бить в бубен. Она стала водить по нему подушечками пальцев, и он отзывался глухим, тёплым шуршанием, как шаги по осенней листве. Оля поднесла флейту к губам и выдула в неё не мелодию, а просто тёплый воздух — получился тихий, задумчивый свист, как у самого раннего ветерка.

Они играли свою тихую симфонию для больной Тишины. К звукам бубна и флейты добавился шепот листьев, которые наконец осмелели. Потом — сонное повизгивание Бублика во сне. Потом — едва слышное мурлыканье Васьки, который даже не проснулся.

И Тишина начала выздоравливать. Она не ушла, нет. Она просто перестала быть больной и тяжёлой. Она стала лёгкой, прозрачной, уютной. Она обняла двор, как тёплое одеяло, но теперь в этом одеяле можно было расслышать все чудесные, маленькие звуки мира.

И самое странное случилось потом. Когда девочки уже собирались уходить, они увидели, как из-под куста сирени, прямо из самой сердцевины выздоровевшей Тишины, выкатился знакомый упитанный серый заяц с ветвистыми рогами. Он сел, почесал за ухом, кивнул им так, будто говорил «спасибо за лечение», и растворился в воздухе, оставив после себя лишь лёгкое, совершенно здоровое безмолвие.

Девочки улыбнулись друг другу. Они узнали его. Это был тот самый заяц, что начал их первую историю. Видимо, он был хранителем не только странных событий, но и самой правильной, живой Тишины. А она, как оказалось, самое лучшее лекарство для скучного летнего дня.

Глава 10

Глава 10. История про потерявшееся эхо

После грозы во дворе поселилось что-то странное. Когда Кира кричала: «Оля!» — из-за сарая отзывалось: «А я тут!». Хотя Оля в этот момент сидела на крыльце. Это было эхо, но какое-то непослушное, живое и очень одинокое. Оно путалось, повторяло слова задом наперед и грустило, потому что забыло дорогу в горы, откуда его принёс ветер. Девочки решили помочь ему найти путь домой. Они играли с ним в слова, вели беседы шепотом, пока однажды старый почтовый голубь не согласился быть проводником. Эхо, ставшее тонким, как туман, и звонким, как капель, уселось ему на спину. А на прощанье оно подарило девочкам своё последнее, самое чистое отражение голоса — теперь, когда они звали друг друга по-настоящему, в их голосах всегда слышалась лёгкая, радостная переключка.

Глава 11

Глава 11. История про день наоборот

Проснувшись, Кира и Оля обнаружили, что мир перевернулся. Точнее, не перевернулся, а вывернулся наизнанку. Тень от дома лежала не на земле, а висела в воздухе, как тёмное одеяло. Дождь шёл из лужи в небо серебристыми иголками. Собаки лаяли... абсолютной тишиной, от которой закладывало уши. Чтобы не испугаться, девочки решили играть по правилам этого дня. Они ходили задом наперед, завтракали пирогом с вишнёвым компотом внутри, а снаружи, и разговаривали, сначала выдыхая слова, а потом вдыхая их обратно. Самой большой загадкой стал их кот, который в этот день был совершенно обычным, что в «день наоборот» выглядело страннее всего. К вечеру всё встало на свои места, но девочки запомнили главное: иногда, чтобы понять мир, нужно посмотреть на него с другой ноги.

Глава 12

Глава 12. История про ключ от ветра

На чердаке, в старом сундуке с бабушкиными кружевами, Оля нашла ключ. Не железный, а деревянный, лёгкий, с вырезанным на головке знаком — спиралью. Когда она взяла его в руку, по всему чердаку пробежал свежий ветерок, хотя окна были наглухо закрыты. Оказалось, это ключ от восточного ветра, который любит путешествовать, но иногда теряется и застревает в оврагах или между высоких домов. Повернув ключ в замочной скважине сквозняка на лестнице, девочки выпустили легкомысленный ветерок на волю. В благодарность он целую неделю приносил им самые необычные запахи: запах альпийских лугов, морской соли и мандаринов с далёкого южного базара.

Глава 13

Глава 13. История про сон, который выпал из глаза

Однажды утром Кира обнаружила на подушке рядом со своей щекой маленький, пушистый, тёплый клубочек, светящийся мягким синим светом. Это был её сон. Видимо, он выкатился, когда она слишком резко проснулась. Сон был капризный и хрупкий. Он боялся дневного света и норовил закатиться под кровать. Девочки (и Оля, конечно) решили его сохранить до следующей ночи. Они устроили его в спичечном коробке с ватной периной, носили за пазухой и шептали ему сказки. Ночью сон обрадовался, засиял ярче и, подпрыгнув, растворился в воздухе над спящей Кирой. А той ночью Кира увидела самый яркий и добрый сон в своей жизни — про то, как она и Оля спасают маленькое светящееся существо.

Глава 14

Глава 14. История про дом для усталых вещей

Возле старого пня девочки нашли крошечную, из спичек и мха, беседку. В ней сидели и тихо разговаривали... сломанная мамина брошка, потерянный папин пуговичный глаз от старой игрушки и высохший стержень от фломастера. Это был «Дом для усталых вещей». Вещи, которые отслужили своё или потерялись, приходили сюда, чтобы доживать свой век в покое и уважении. Кира и Оля стали тихими гостями этого приюта. Они приносили крошки печенья для фарфоровой кукольной чашки с трещиной и читали вслух книжку с вырванными страницами. Они поняли, что у каждой вещи есть не только история, но и своя маленькая, почти незаметная душа.

Глава 15

Глава 15. История про лужу-зеркало

После ливня на тропинке образовалась необычная лужа. Она была неглубокой, но её поверхность отражала не небо, а совсем другой мир: уютную комнату с камином, в котором никто не горел. Если заглянуть подольше, можно было увидеть, как там, в отражении, живёт своя жизнь: тени двигались, пылинки танцевали в полосках незримого солнца. Оля заметила там девочку, очень на неё похожую, которая тоже с интересом смотрела «вверх», в нашу реальность. Они не могли поговорить, но могли показывать друг другу игрушки и строить рожицы. Когда лужа начала высыхать, девочки положили на её дно гладкий камешек — как печать на обещание, что границы между мирами иногда бывают очень тонкими.

Глава 16

Глава 16. История про библиотеку шорохов

В самой глубине шкафа, за стопкой зимних одеял, Кира нашла потайную дверцу. За ней была комната, тихая, как ухо. Это была Библиотека Шорохов. На полках стояли не книги, а склянки, коробочки и раковины. Если приложить к ним ухо, можно было услышать: в одной — шелест крыльев мотылька, в другой — скрип снега под первым шагом зимы, в третьей — тихий треск растущего папоротника. Смотрителем был старый, совсем седой сверчок, который записывал новые шорохи чернилами из пыли и лунного света. Девочки подарили библиотеке баночку с шепотом падающих листьев, который они поймали прошлой осенью в стеклянную банку.

Глава 17

Глава 17. История про рецепт смеха

Бабушка привезла из города необычный подарок — старую кулинарную книгу, но не простую, а «Книгу рецептов настроения». Девочки сразу нашли раздел «Радость, веселье, смех». Рецепт «Искреннего хохота» требовал: щепотку солнечных зайчиков, стакан ветра с полей, три капельки щекотки от пера и главное — готовить вместе, думая о самом смешном. Они попробовали. Солнечных зайчиков поймали в зеркальце, ветер собрали в наволочку, распахнутую навстречу ветру. Когда они смешали всё в большой миске и одновременно сказали: «Вкусно!» — по кухне прокатилась настоящая волна смеха, звонкого и чистого. Им удалось накормить этим смехом даже хмурого соседа дядю Васю, который после этого целый день ходил с лёгкой улыбкой.

Глава 18

Глава 18. История про крадущегося Ноября

Был конец октября, но по утрам стало заметно холоднее. Однажды, выглянув в окно, Оля увидела, как по двору, крадучись от дерева к дереву, движется серый, прозрачный, как дымка, человечек с большим мешком. Это был Ноябрь. Он потихоньку раскидывал из мешка иней на траву, срывал последние листья и нашептывал птицам, что пора улетать. Девочки не стали его прогонять. Они вынесли ему на порог тёплые варежки (он вежливо кивнул) и кусок пирога. Взамен Ноябрь оставил им на подоконнике первую настоящую сосульку — ещё маленькую и острую, как карандаш. Они поняли, что каждое время года не приходит просто так — оно приходит тихим вором, который взамен оставляет свою особую магию.

Глава 19

Глава 19. История про часы с маятником-котом

В гостиной стояли старые дедушкины часы с тяжёлым маятником. Однажды ночью маятник отвалился и закатился под диван. Часы встали. А наутро девочки обнаружили, что вместо маятника туда устроился их кот, совершенно бесстрастно раскачиваясь взад-вперёд. Часы снова пошли, но теперь они показывали не время, а настроение дома. Если кот-маятник качался плавно и лениво — день будет спокойным. Если резко и быстро — жди сюрпризов. Если вдруг замирал, уткнувшись носом в одну сторону — значит, где-то в доме происходит что-то тихое и очень важное, что нельзя тревожить. Часы так и остались живыми. И только кот знал, отчего он иногда так странно улыбается, раскачиваясь.

Глава 20

Глава 20. История про заблудившуюся ноту

Из открытого окна музыкальной школы вылетела и потерялась нота «соль». Она была зелёного цвета и звенела, как колокольчик. Запутавшись в ветвях яблони, она не могла найти дорогу обратно в песню. Кира и Оля, услышав тихий плачущий звон, решили помочь. Они нашли ноту и попробовали вернуть её в школу, но та забоялась большого рояля. Тогда они пригласили её пожить у себя. Нота «соль» обосновалась в цветочном горшке с геранью и целыми днями тихонько подпевала домашним звукам: жужжанию холодильника, тиканью часов, девичьим голосам. И мелодия в доме стала гармоничнее. А когда пришла весна и открылись все окна, нота, окрепнув и набравшись смелости, сама улетела в распахнутую форточку музыкалки — на своё место в новой, весенней песне.

Глава 21

Глава 21. История про паутину воспоминаний

В углу чердака паук-долгожитель сплел не простую паутину, а особенную — она ловила не мух, а воспоминания. Запутавшись в её серебряных нитях, висели: смех прошлогоднего дня рождения, запах первой земляники, ощущение от холодной речной воды в жаркий день. Если осторожно дотронуться, можно было на миг снова это пережить. Но паутина была хрупкой. Девочки, узнав секрет от самого паука (оказавшегося большим философом), помогли ему починить порывшиеся от старых обид нити и укрепить радостными событиями сегодняшнего дня. Они поняли, что за воспоминаниями, как и за паутиной, нужно ухаживать — тогда они не превратятся в пыльный груз, а останутся лёгким, сияющим украшением души.

Глава 22

Глава 22. История про тень, которая захотела цвета

У Киры была обычная тень, серая и послушная. Но однажды, после того как они с Олей весь день раскрашивали мелом асфальт, тень взбунтовалась. Она отказалась быть просто чёрным пятном. На следующий день, когда солнце било в спину, тень Киры на земле оказалась... разноцветной в полоску, как радуга! Оля засмеялась, а её тень тут же отозвалась, став в горошек. Всю неделю тени девочек жили своей жизнью: меняли узоры, играли в салочки отдельно от хозяев, а по вечерам, при свете фонаря, устраивали на стене цветные спектакли. В конце концов, им это надоело, и они снова стали обычными, серыми. Но иногда, в самые счастливые дни, на краю тени можно заметить слабый, почти невидимый радужный отлив.

Глава 23

Глава 23. История про дождь из пуговиц

С неба, вместо дождя, посыпались пуговицы. Большие и маленькие, стеклянные и деревянные, на две и на четыре дырки. Они звонко стучали по крышам и скатились в канавки, как разноцветный град. Весь двор был усыпан этим богатством. Кира и Оля, надев дождевики и взяв ведёрки, бросились «собирать урожай». Они находили пуговицы в виде крошечных сердечек, звёзд, кошачьих мордочек. Выяснилось, что это пролился сундук старой портнихи-облака, которая чинила одежду ветрам. Девочки собрали самые красивые пуговицы, а остальные рассадили, как семена, в мягкую землю. На следующий год на том месте выросла Пуговичная поляна: низкие кустики, с которых свисали, поблёскивая, новые, совсем свежие пуговицы. Теперь у всей деревни был неиссякаемый запас волшебной фурнитуры.

Глава 24

Глава 24. История про зиму, которая боялась темноты

Пришла Зима, но была она какая-то робкая. Снег выпал, но такой бледный, что казался просто белой тенью. Морозец щипал щёки нежно, как крапива-недотрога. Оказалось, нынешняя Зима была молоденькая и впервые заступала на дежурство. И она до ужаса боялась темноты долгих зимних ночей. Девочки решили её поддержать. Они развесили на деревьях во дворе фонарики из льда (заморозив подкрашенную воду в формочках), нарисовали на окнах снежинки с улыбающимися рожицами и каждый вечер зажигали на подоконнике свечу, чтобы Зима видела — в темноте тоже есть свет и тепло. Окрепнув и набравшись смелости, Зима выпрямилась, ударила настоящим морозом, и снег засверкал алмазной крошкой. А самые яркие звёзды на небе — это, наверное, её благодарные улыбки.

Глава 25

Глава 25. История про кота-путешественника во времени

Их кот (тот самый, белый и упитанный) обнаружил удивительную способность: когда он спал на определённом месте — на старом бабушкином ковре у печки — он путешествовал во времени. Недалеко, на день-два в прошлое. Проснувшись, он шёл и делал то, чего не делал в «прошлый раз»: например, предупреждающе смотрел на вазу, которую Оля вот-вот должна была задеть, или ловил мышь, которую тогда упустил. Девочки, раскрыв его секрет, стали оставлять ему записочки в прошлое: «Котик, напомни нам вчера взять зонтик!» или «Посмотри, куда я вчера закатила красную бусину?». Кот, конечно, записок не читал, но, видимо, чувствовал их волю. И жизнь стала немного удобнее, хоть и не перестала быть удивительной.

Глава 26

Глава 26. История про речку, которая текла вверх

На краю леса была небольшая речушка. И однажды утром девочки увидели, что она... течёт в гору. Вода, поблёскивая, спокойно бежала вверх по склону, огибая корни и камни. Рыбки в ней плавали кверху брюхом, но им, видимо, это нравилось. Старый леший, сидевший на пне, пояснил, что речка просто решила посмотреть, что там, на вершине холма, потому что текла туда с незапамятных времён и ни разу не видела истока. Девочки прошли вместе с водой весь путь вверх. На вершине оказался не источник, а огромный, замшелый валун с трещиной, из которой сочилась вода. Речка, дотронувшись до своего начала, вздохнула с облегчением, развернулась и потекла как положено, вниз. Но знание о том, откуда она родом, сделало её течение более плавным и глубоким.

Глава 27

Глава 27. История про второй завтрак для солнца

Солнце встало, но было какое-то вялое, бледное, как будто не выспалось. Его лучи едва согревали. Бабушка сказала: «Солнышко, видать, не позавтракало как следует». Кира и Оля восприняли это буквально. Что ест солнце? Наверное, что-то светлое и тёплое. Они приготовили «солнечный завтрак»: выложили на самое высокое место во дворе (на крышу сарая) тарелку с кусочками апельсина, жёлтого персика и ложкой абрикосового варенья. А ещё положили рядом зеркальце, чтобы солнце могло посмотреться и причесать лучи. Через час тарелка была пуста (воробьи, наверное), зеркальце сияло, а солнце разгорелось вовсю, щедро поливая двор золотым светом и теплом. С тех пор в особенно пасмурные дни они всегда выставляли на улицу «закуску для солнца».

Глава 28

Глава 28. История про дверь в стене

В глухой кирпичной стене старого сарая, там, где раньше ничего не было, появилась дверь. Небольшая, зелёная, с медной ручкой. Она вела не в сарай, а куда-то ещё. За ней был не коридор и не комната, а... запах. Стоило приоткрыть её, как в лицо дул ветер, пахнувший то морской солью, то хвойным лесом, то печёными яблоками. Дверь вела в другие места, но только в их обонятельное отражение. Девочки могли «путешествовать» туда, лишь вдыхая воздух и представляя себе далёкие края. Однажды они оставили дверь приоткрытой, и к ним в сад на целый день залетел запах альпийских лугов, отчего пчёлы работали с непривычным восторгом.

Глава 29

Глава 29. История про исправление сказки

В библиотеке девочки взяли книжку старой сказки. Но сказка была грустной и несправедливой: злой волк съедал козлят, а Золушка всю жизнь терпела обиды. Оля возмутилась: «Так нельзя!». Они взяли цветные карандаши и стали прямо в книжке «исправлять» историю. Они нарисовали волку огромный бутерброд, чтобы он был сыт и добр, а козлятам — крепкую дверь. Золушке они пририсовали смешную подружку-фею с самого начала. Когда они дочитали исправленную сказку, случилось чудо: из книжки выпал маленький, сияющий кристаллик — «осколок счастливого конца». Положив его под подушку, в ту ночь каждая из них увидела самую добрую версию своих снов. Они поняли, что даже чужие истории иногда нуждаются в нашей помощи, чтобы стать лучше.

Глава 30

Глава 30. История про Лоскутное одеяло Вселенной.

В тот вечер бушевала такая гроза, что казалось, само небо треснуло по швам. Молнии сшивали чёрные тучи серебряными нитями, а гром грохотал, будто огромный портной переставлял тяжёлые мебельные утюги. Девочки, прижавшись друг к другу у окна, наблюдали за этим представлением. И когда самый яркий разряд осветил двор на миг ярче солнца, они увидели нечто странное: огромную, размером с облако, тень гигантской иглы, которая на секунду вонзилась в землю у старого дуба, а затем исчезла.

Утром, первым делом, они побежали к тому месту. Иглы не было. Но на траве, аккуратным маленьким свёртком, лежало... одеяло. Непростое. Оно было сшито из лоскутков, но таких, какие не найти ни в одном сундуке. Один лоскуток был цвета утренней зари, другой — тёмно-синий, как глубокая ночь с рассыпанными по нему блёстками-звёздами. Третий был узорчатой зелёной парчой, напоминающей листву древних лесов, а четвёртый — рыжевато-коричневым, теплым, как шкура спящего льва.

— Это же кусочки всего на свете, — прошептала Оля, осторожно касаясь лоскутка, от которого пахло морским прибоем.

Они бережно перенесли одеяло в дом и расстелили его на полу своей комнаты. И тут началось самое интересное. Если лечь на лоскуток неба и прислушаться, можно было услышать далёкий, мелодичный гул — песню светил и шелест космического ветра. Лоскуток леса наполнял комнату ароматом хвои и мха, а из его глубины доносилось потрескивание костра и шёпот лесных духов. А когда Кира укрылась углом одеяла, сшитым, казалось, из чистой тишины, она вдруг ясно ощутила покой и безмятежность глубокой пещеры или дна океана.

Но одеяло было не целым. На его краю зияла незащищенная дыра, из которой сочилась лёгкая, холодная дымка пустоты. И вокруг этой дыры лоскутки начали слегка растрёпываться.

— Его нужно закончить, — решительно сказала Кира. — Иначе оно вся Вселенная... расплзётся.

Весь день они думали, чем же можно залатать дыру в самом мироздании. Нитки от маминой швейной коробки были слишком грубыми. Паутина — слишком хрупкой. И тут Оля посмотрела на светящегося в темноте пластикового звездолёта и на свои руки.

— А что, если... наши воспоминания? Самые яркие? — предложила она. — Они же тоже часть Вселенной, нашей маленькой.

Девочки сели вокруг дыры. Кира закрыла глаза и вспомнила, как впервые увидела, как распускается бутон пиона — это был взрыв алого шёлка и радости. Она протянула руку, и из её ладони потянулась тонкая, сияющая розоватым светом нить. Оля вспомнила вкус первой земляники, собранной своими руками, — терпкий, сладкий, пахнувший солнцем. И её нить была алой и сочной. Они вспоминали смех друг друга, запах бабушкиных блинов, восторг от первой увиденной радуги. Из их пальцев тянулись нити всех цветов радуги, переливаясь и переплетаясь.

Кира, как самая старшая, взяла воображаемую иглу (оказалось, это был лучик закатного солнца, пойманный в стакане воды) и начала осторожно пришивать новые, сотканые из счастья лоскутки к краю дыры. С каждым стежком пустота отступала, а холодная дымка рассеивалась. Когда работа была закончена, на месте дыры сиял новый лоскуток, самый пёстрый и тёплый из всех. В его узорах угадывались силуэты их дома, яблони во дворе и две девичьи фигурки.

Одеяло вздохнуло ровно и успокоилось. Вечером они накрыли им ноги, лёжа на ковре. И им приснился один общий сон: они летели сквозь лоскутную Вселенную, где соседствовали туманности и яблоневые сады, а где-то в самом центре, тёплым светящимся комочком, сиял

их дом. Они поняли, что даже самая огромная Вселенная иногда нуждается в помощи двух маленьких девочек с доброй памятью и воображением. А игла-молния, должно быть, просто торопилась на следующую работу, где в другом месте тоже требовалось починить прохудившуюся реальность.

Глава 31

Глава 31. История про Музыку Тишины и Шумного Слушателя.

В доме поселилась странная болезнь — все звуки стали приглушёнными, будто их заволокло ватой. Скрип половиц стал шёпотом, звон посуды — мягким перезвоном, а смех и вовсе терялся, не долетая до ушей. Бабушка сказала, что это «весенняя глухота» бывает, но девочкам было не по себе. Мир без ярких звуков казался плоской картинкой.

И вот, в один из таких тихих дней, Оля, приложив ухо к стволу старой печи в гостиной, услышала нечто. Не звук, а скорее... вибрацию. Тёплую, пульсирующую, мелодичную. Это пела сама Тишина. Оказалось, у неё есть своя собственная, невероятно сложная и красивая музыка. Музыка роста травы, движения соков в деревьях, вращения планет в их далёких орбитах и медленного таяния льдинок в глубине сознания.

— Это же прекрасно! — воскликнула Кира, тоже прильнув к печи. — Но почему её никто не слышит?

— Потому что все слушают слишком громкие вещи, — раздался чей-то голос.

На пороге комнаты стояло невысокое существо, похожее на мохнатый колокольчик с большими ушами-локаторами. Это был Шумной Слушатель, мелкий бес, который и был виновником «глухоты». Он питался громкими, резкими, яркими звуками — смехом, звоном, криками. А тихую музыку мира он не выносил и старался заглушить её, насылая на дома свою тихую магию.

— Я не злой! — оправдывался он, когда девочки укоризненно на него посмотрели. — Мне просто нужно кушать. А эта ваша тихая музыка... она такая странная, от неё мурашки.

Но Кира и Оля уже были очарованы открытием. Они не стали гонять Слушателя. Вместо этого они предложили ему сделку.

— Мы устроим тебе праздник громких звуков, — сказала Кира. — Самый лучший. А ты после этого оставишь наш дом в покое и научишься слушать тишину... ну, хотя бы одним ушком.

Слушатель, соблазнённый перспективой пиршества, согласился.

Весь следующий день девочки готовились. Они расставили по двору жестяные банки, чтобы в них барабанил дождь (дождь, к счастью, пошёл к вечеру). Они попросили папу хорошенько поработать пилой и молотком в сарае. Устроили «концерт» из свистков, дудочек и грохотания кастрюлями. Соседские собаки дружно подхватили лай. Шумной Слушатель пировал, он ел звуки, впитывая их своими мохматыми боками, и от удовольствия подрагивал.

Когда пир закончился, он, сонный и довольный, обмяк на крыльце.

— Ну что, — сказала Оля, — теперь попробуй.

И она снова подвела его к печи. Насытившись, Слушатель больше не боялся. Он приложил одно своё огромное ухо к тёплому кирпичу. И замер. Его глаза, похожие на бусинки, расширились.

— О-о-о... — прошептал он. — Это... как суп... тёплый и бесконечный. А это... как звёзды... холодные и звенящие.

Он просидел так до утра, слушая. А когда уходил, пообещал больше не воровать звуки у этого дома. И в знак благодарности он подарил девочкам маленькие, невидимые ушные раковины из воздуха — теперь они могли слышать музыку Тишины всегда, когда захотят, просто прикрыв глаза и сосредоточившись. И мир для них стал не просто объёмным, а бесконечно глубоким, наполненным невидимой, вечной симфонией бытия. Они поняли, что самая важная музыка часто играет на самой низкой громкости, и её нужно заслужить, уговорив собственного внутреннего Шумного Слушателя ненадолго замолчать.

Глава 32

Глава 32. История про Календарь Заблудившихся Дней.

На чердаке, в пыльном углу за разбитым зеркалом, Кира нашла старую, кожаную папку с завязками. Внутри лежали не фотографии, а... дни. Вернее, их отпечатки. На толстых листах бумаги были застывшие, как в янтаре, мгновения: солнечный луч, пробивающийся сквозь пыль, капля дождя на паутинке, тень от пролетающей птицы. Каждый лист был подписан замысловатым почерком: «День, когда ветер нёс семена одуванчиков к югу», «День первого крика новорождённого дрозда», «День, когда старый пенёк вздохнул в последний раз».

Это был Календарь Заблудившихся Дней, собранный прежним хозяином дома, дедушкой-часовщиком с поэтичной душой. Это были дни, которые выпали из обычного времени, потерялись, потому что были слишком красивы, слишком тихи или слишком печальны, чтобы просто кануть в Лету.

Девочки, затаив дыхание, листали календарь. Прикосновение к листу переносило их в то самое мгновение. Они чувствовали тепло того луча, слышали тихий звон падающей капли, ощущали мимолётную прохладу тени. Но дни были грустными. Они были одиноки, оторваны от потока времени, как выброшенные на берег кораблики.

— Их жалко, — сказала Оля. — Они как сиротки.

— Их нужно вернуть, — решила Кира. — Но куда? Они же не вписываются в обычный год.

Они спросили совета у самого старого существа в округе — многовекового дуба на окраине леса. Дуб, пошелестев листвою, посоветовал создать для таких дней особое место — «Карманное Время».

Всю следующую неделю девочки готовили этот карман. Они взяли старый, просторный, немного волшебный (потому что в нём никогда не кончались крошки) карман от папиного походного рюкзака. Они выстлали его мягким мхом, лепестками сирени и лоскутком от Лоскутного Одеяла Вселенной для связи с миром. Потом, с величайшей осторожностью, они начали переносить листы из папки в этот карман. С каждым помещённым туда Днём, карман становился чуть теплее и чуть просторнее изнутри, хотя снаружи оставался прежним.

Когда работа была закончена, они подвесили карман на самую солнечную и защищённую от ветра ветку яблони во дворе. И случилось чудо. Заблудившиеся Дни ожили. Они не вернулись в прошлое, но стали существовать параллельно, в своём собственном ритме. Теперь, если приложить ухо к карману в тихий полдень, можно было услышать, как там тихо шелестит тот самый «День шелеста опавших листьев». А в лунную ночь из кармана струился мягкий свет «Дня, когда луна улыбнулась».

Карманное Время стало самым ценным секретом девочек. Они поняли, что ни один миг не пропадает зря, если в мире есть место, где его красота и уникальность будут бережно храниться. А иногда, в особенно серые и скучные дни, они по очереди засовывали руку в карман, чтобы согреть пальцы о тепло давно ушедшего, но не забытого солнечного луча.

Глава 33

Глава 33. История про Речку, Помнящую Всё.

За околицей деревни текла неглубокая, но очень старая речка по имени Стежка (так её называли, потому что она, извиваясь, будто прошивала луга и леса). Девочки любили ходить к ней, кидать плоские камушки и смотреть на стрекоз. Но однажды Оля, опустив руку в воду, чтобы поймать плывущий листок, вдруг ясно почувствовала... воспоминание. Не своё. Чужое. Это было ощущение прохлады и восторга — как будто сто лет назад тут купался маленький мальчик, впервые зашедший в воду.

Оказалось, речка Стежка не просто текла. Она помнила. Вода вбирала в себя отголоски чувств, событий, разговоров, которые происходили на её берегах, и хранила их, как живой архив. Если зайти в воду по колено, закрыть глаза и очень внимательно слушать кожей, можно было уловить эти отпечатки.

Девочки, конечно, стали частыми гостями в этом «архиве». Они узнали, как сто лет назад на этом берегу девушка ждала с войны любимого (вода у этого места была тёплой и чуть солёной от старых слёз). Они почувствовали радостный трепет щенка, который впервые здесь поймал палку (это место всегда бурлило веселыми пузырьками). Они даже нашли точку, где речка запомнила тихий, мудрый разговор двух старых друзей-рыбаков — вода там была особенно спокойной и глубокой.

Но однажды они наткнулись на тёмное, холодное пятно в памяти реки. Это было место, где давным-давно произошла ссора, злое слово, которое так и висело в воде тяжёлым, ядовитым осадком. Речка не могла забыть его сама, и это место отравляло воду вокруг.

Кира и Оля решили помочь реке «переварить» это плохое воспоминание. Они знали, что вода лучше всего запоминает радость, доброту и красоту. Весь следующий месяц они приходили к этому месту и специально создавали новые, яркие воспоминания для Стежки. Они пускали тут кораблики из коры с лепестковыми парусами, пели самые весёлые песни, которые знали, приносили и бросали в воду самые красивые гладкие камушки, «как конфетки». Они даже уговорили соседских детей устроить тут праздник мыльных пузырей.

Сначала тёмное пятно лишь слегка шевелилось, недовольное. Но постепенно, под напором детского смеха, блеска мыльных сфер и тихих песен, оно начало растворяться. Радость, как оказалось, была сильнейшим растворителем для старой обиды.

К концу лета от тёмного пятна не осталось и следа. Вода на том месте стала чистой и звонкой, и в ней теперь жило новое воспоминание — о двух девочках, которые лечили речку добротой. Стежка отблагодарила их: теперь, когда они подходили к любому её берегу, вода у их ног всегда становилась чуть теплее и искрилась чуть ярче, будто говоря: «Я помню вас. Я помню вашу доброту». Они поняли, что даже у природы есть память, и за неё, как и за любую другую, нужно нести ответственность.

Глава 34

Глава 34. История про Гнома, который чинил Сны.

С Олей что-то происходило. Каждое утро она просыпалась уставшей и хмурой. Её сны постоянно ломались. То приснится начало удивительного путешествия на воздушном шаре, а шар вдруг сдувается посреди неба. То она увидит целую коробку шоколадных конфет, а они оказываются из песка. Сны обрывались на самом интересном месте, оставляя чувство досады и недосказанности.

Кира, выслушав жалобы сестры, решила провести расследование. Она знала, что сны приходят через окно, и стала караулить. И вот, в одну из лунных ночей, она увидела: по луче лунного света, словно по пожарному шесту, сползал в комнату маленький, неказистый гном в засаленном комбинезоне и с потрёпанным чемоданчиком. Он подошёл к спящей Оле, вздохнул, открыл чемоданчик и стал что-то там ковырять тонкими инструментами прямо у неё над виском. Оттуда сыпались блёстки и доносился звук, похожий на потрескивание перегоревшей лампочки.

— Эй! — прошептала Кира. — Что вы делаете?

Гном вздрогнул и чуть не уронил пинцет.

— А, ещё одна не спит, — буркнул он. — Чиню, не видишь что ли? Сонный канал засорился. Фантазия не проходит, сюжеты рвутся. Вечная проблема у мечтательных.

Он представился: Гном-Сновидец Третьего Разряда, Специалист по Экстренному Ремонту Онейросети (так он назвал сеть снов). Оказалось, у Оли просто слишком бурная фантазия, и «трубы», по которым идут сны, не выдерживали напора ярких образов и лопались.

— Можно починить насовсем? — спросила Кира.

— Можно, — сказал гном, почесав за ухом. — Но для этого нужен клей «Серебряных Нитей» — он делается из лунного света, пойманного на паутину, и смеха спящего ребёнка. Со вторым проблем нет, — он кивнул на Олю, — а вот с первым... Паутина должна быть особой, с росой первых трёх осенних утр.

Девочки (Оля, разбуженная разговором, теперь тоже внимательно слушала) решили помочь гному. Они нашли в саду самую красивую, кружевную паутину между ветками бузины и три утра подряд встречали рассвет, чтобы собрать с неё чистейшую росу. Лунный свет поймали в большое круглое зеркало, направленное на полную луну. Смех добыли легко — пощекотали спящего кота, который во сне замурлыкал и фыркнул — гном сказал, что сойдёт.

Гном, получив ингредиенты, удалился в угол комнаты и устроил там маленькую лабораторию. Через час он вернулся с флакончиком сияющей, тягучей жидкости.

— Ну-ка, отойдите, сейчас будет серьёзная работа, — сказал он важным тоном.

Он залез обратно в сон Оли (со стороны это выглядело, как будто он растворился у неё в волосах) и пропал минут на двадцать. Потом вылез, устало вытер инструменты.

— Всё. Канал усилен, укреплён, расширен. Теперь хоть эпические саги снись — выдержит.

На следующее утро Оля проснулась с сияющими глазами. Ей приснился не просто сон, а целый, подробный, законченный фильм с захватывающим сюжетом и счастливым концом.

В благодарность гном оставил девочкам свой старый пинцет (на случай, если у кого-то опять сон порвётся) и ушёл по своим делам, вероятно, к другому ребёнку с аналогичной проблемой. А Кира и Оля ещё долго обсуждали, как важно иногда «чинить» внутренний мир, и что даже за самыми фантастическими снами стоит чей-то незаметный, но очень важный труд.

Глава 35

Глава 35. История про Зеркало, которое отражало не внешность, а внутренний мир.

В кладовке, за старыми рамами, девочки нашли большое, овальное зеркало в тёмной деревянной оправе. Оно было покрыто таким толстым слоем пыли, что сначала они подумали, что это просто картина. Но когда они протерли стекло, то увидели... не свои отражения.

В зеркале была комната. Но не их комната. Это была странная, меняющаяся комната. То она была уставлена полками до потолка, и на них стояли не книги, а стеклянные шары с клубящимися внутри эмоциями — один искрился золотом (радость), другой был цвета грозовой тучи (обида), третий переливался спокойной синевой (задумчивость). То комната становилась пустой, с одним лишь окном, в которое бил ослепительный свет. То по её полу текли серебряные ручьи-мысли, а по стенам ползали тени-страхи в виде бесформенных пятен.

Это зеркало отражало не лицо, а душу смотрящего. Вернее, то, как эта душа выглядит изнутри в данный момент.

Первой посмотрела Оля. В её зеркальной комнате было светло и просторно. По полу прыгали, как зайчики, светлые пятна любопытства, а в углу тихо посапывал, свернувшись калачиком, маленький, розовый страх темноты в виде пушистого комочка. На столе лежала яркая, как мозаика, недоделанная мысль про рогатого зайца.

Кира увидела свою комнату более упорядоченной. Там были аккуратные полки с ящиками, подписанными «Воспоминания», «Знания», «Мечты». По стенам висели картины-впечатления от недавних приключений. Но в одном углу стоял запёртый на ключ сундук, от которого шла лёгкая тревожная дымка — это были её тайные переживания о том, что она уже большая и должна быть ответственной.

Зеркало стало для них не игрушкой, а инструментом. Если они ссорились и смотрели в него, то видели, как их комнаты темнеют, а между ними вырастает стена из колючих серых кактусов-обид. Это помогало им быстрее мириться — они начинали сознательно «убирать» эти кактусы, думая о хорошем. Если кому-то было грустно, в комнате начинали лить дожди из стеклянных слезинок, и тогда они вдвоём шли искать способ «включить солнце» — обычно это была совместная игра или вкусное печенье.

Однажды они подвели к зеркалу своего кота. Его комната оказалась одним большим, тёплым, солнечным ложем, заполненным мячиками-мышами и фонтанами, бьющими молоком. Они долго смеялись.

Они поняли, что у каждого внутри есть целый мир, и этот мир нужно иногда наводить в порядке, проветривать, вытирать пыль с ценных воспоминаний и выносить мусор старых обид. А главное — зеркало научило их видеть внутренний мир друг друга, делая их ещё ближе. Они пообещали друг другу помогать с уборкой, если в чьей-то душевной комнате станет слишком темно или беспорядочно.

Глава 36

Глава 36. История про Сад Мимолётных Желаний.

За домом, там, где кончался огород и начинался дикий луг, была небольшая канавка. Ничем не примечательная, заросшая подорожником и мать-и-мачехой. Но однажды Оля, пробираясь через неё, споткнулась и упала. Рассердившись, она выкрикнула: «Чтоб ты провалилась, эта канава!»

На следующее утро канавки на месте не было. На её месте лежала аккуратная дощечка, а под ней зияла небольшая, но вполне настоящая яма. Оля остолбенела. Кира, подойдя, осторожно заглянула внутрь. На дне ямы что-то блестело.

— Это же... желания, — сказала она.

На дне, как мелкие разноцветные камушки, лежали сбывшиеся и забытые сиюминутные желания. «Чтоб скорей пришла мама» (это было алое, тёплое зёрнышко). «Чтоб этот противный урок кончился» (серое, холодное). «Хочу такую же куклу, как у Светки» (розовое, глянцевоe, но потускневшее).

Оказалось, эта канава была устьем подземной реки Мимолётных Желаний. Все наши мелкие, сиюминутные «хочу» и «не хочу», сказанные с эмоцией, стекали сюда и, если были достаточно сильными, материализовались на дне, прежде чем раствориться. Желание Оли было произнесено с такой досадой, что оно немедленно сбылось, буквально.

Девочки, наученные горьким опытом, решили с этим местом обращаться осторожнее. Они убрали дощечку и поставили маленькую ограду. А потом придумали ему применение. Они называли это место Садам Мимолётных Желаний. Теперь, если у них возникало какое-то маленькое, не очень важное, но навязчивое желание («хочу, чтобы ветер перестал дуть в лицо», «хочу, чтобы эта тучка ушла»), они не выкрикивали его в пространство, а осторожно «сажали» в канавку, шепча его про себя и кладя сверху камешек, как метку.

Удивительно, но многие из таких «посаженных» желаний сбывались, но как-то мягко, ненавязчиво, без катастрофических последствий вроде провалившейся земли. Тучка действительно уплывала, ветер менял направление. А желания, которые были злыми или глупыми, просто лежали на дне, как мусор, и постепенно рассыпались в пыль.

Девочки даже стали приходить сюда «пропалывать» свой сад — мысленно забирать обратно глупые или злые желания, которые посадили в сердцах. Они поняли огромную силу слов и мимолётных мыслей. И то, что даже за самыми маленькими «хочу» нужно следить, потому что некоторые из них могут пустить корни в реальности там, где их совсем не ждут. Сад научил их быть внимательнее к своим словам и желаниям, фильтровать их и направлять в мирное, безопасное русло.

Глава 37

Глава 37. История про Почтальона, разносящего Сны.

Жил в их деревне почтальон дядя Стёпа, человек молчаливый и немного грустный. Он носил потрёпанную сумку и разносил письма, газеты и пенсии. Но девочки однажды заметили кое-что странное. Из его сумки, кроме конвертов, иногда выпадали невесомые, прозрачные, как мыльные пузыри, шарики, которые тут же уносил ветер. Если такой шарик задевал спящего человека или животное, тот сразу начинал видеть сон.

Оказалось, дядя Стёпа был не просто почтальоном. Он был Почтальоном Снов второго класса (первого класса были только для самых важных, вещей снов). Ночью он получал на центральной почте сновидений партии снов, упакованных в светящиеся пузыри, и разносил их по адресам — то есть по спящим жителям. Грустным он носил светлые сны, тревожным — успокаивающие, детям — волшебные приключения.

Но дядя Стёпа давно забыл, как выглядит его собственный сон. Он был так занят работой, что его собственные сновидения засохли и рассыпались, как старые листья. И от этого он был всегда немного уставшим и печальным.

Кира и Оля решили ему помочь. Они знали, что сны делаются из впечатлений дня, мечтаний и кусочков забытых воспоминаний. Они стали собирать для него «сырьё». Они ловили для него солнечные зайчики в маленькое зеркальце (радость), записывали в блокнотик самый смешной услышанный анекдот (смех), сохраняли в коробочке запах свежее испечённого хлеба (уют). Они даже уговорили рогатого зайца подарить одно своё перо-мечту о бескрайних полях.

Через неделю они принесли дяде Стёпе целую коробку с этими сокровищами.

— Это для вас, — сказала Кира. — Чтобы вы смогли собрать себе новый сон.

Дядя Стёпа очень удивился, но взял коробку. В ту же ночь, закончив работу, он впервые за много лет сел и начал собирать сон для себя. Он смешал солнечного зайчика со смехом, добавил шепотку уюта, приправил пером мечты и... уснул прямо за столом.

Ему приснилось, что он не разносит сны, а летит на большом, цвета утренней зари, воздушном шаре над спящей деревней и просто роняет их, как благословение, и они сами находят своих хозяев. А потом он приземляется в саду, где его ждёт стол с чаем и пирогами, и за этим столом сидят две девочки с сияющими глазами.

Наутро дядя Стёпа вышел на работу с лёгкой улыбкой. Он был отдохнувшим. А девочкам он в благодарность иногда подбрасывал в их сны не просто стандартные сновидения, а эксклюзивные, особо красивые «посылки» — например, сон о полёте на спине гигантской совы или о пикнике на облаке. Они поняли, что даже тем, кто дарит волшебство другим, иногда нужно помочь получить свою порцию чуда.

Глава 38

Глава 38. История про библиотеку запахов.

В подвале их дома была дверь, которую все считали заколоченной наглухо. Но однажды кот, гоняясь за воображаемой мышью, ударился об неё головой, и дверь со скрипом подалась. За ней оказалась не комната, а... библиотека. Но вместо книг на полках стояли странные сосуды: стеклянные колбы, глиняные кувшины, деревянные шкатулки. И каждая была подписана: «Запах первого снега, 1998 год», «Аромат бабушкиного черничного варенья», «Запах старой кожаной перчатки, найденной в поле», «Букет полевых цветов с луга у реки Стежки».

Это была Библиотека Запахов, собранная кем-то из предыдущих жильцов, обладавших необычным даром. Если осторожно открыть сосуд и вдохнуть, память накрывала с головой. От «запаха первого снега» по коже бежали мурашки, и в ушах звенела зимняя тишина. «Аромат варенья» возвращал ощущение теплой кухни и бабушкиных рук.

Библиотекарь тут тоже был. Им оказался домовый, которого звали Пахом. Невысокий, бородатый, весь в пыли (от книг-то нет, а от времени — сколько угодно). Он ревностно охранял свою коллекцию.

— Запах — самая честная и сильная память, — говорил он, протирая колбы бархатной тряпочкой. — Он обходит разум и бьёт прямо в сердце. Его нельзя переписать или забыть. Он просто есть.

Девочки стали самыми почтительными читателями этой необычной библиотеки. Пахом, видя их бережное отношение, разрешил им не только «читать», но и вносить свой вклад. Они принесли «Запах мокрой собаки после летнего дождя» (в стеклянной банке с ваткой), «Аромат горячей сдобы из булочной» (в фольге) и «Запах нового школьного ранца» (это была сложная задача, но они справились).

Однажды они нашли на дальней полке сосуд с треснувшей крышкой. На этикетке было написано: «Запах утра после самой длинной ночи в году». Из трещины сочилось лёгкое, серебристое сияние. Пахом вздохнул:

— Этот запах почти улетучился. Он очень хрупкий. Его нужно подкрепить новыми впечатлениями, а то рассыплется.

Девочки решили спасти этот драгоценный запах. Они встали перед рассветом в день зимнего солнцестояния, вышли на улицу и стали внимательно «собирать» всеми чувствами этот особенный момент: хруст морозного воздуха, первый розовый луч на горизонте, ощущение тишины и ожидания. Они «поймали» это в специальный сосуд из горного хрусталя (на самом деле из старой прозрачной вазочки) и принесли Пахому. Тот, смешав старый, едва уловимый запах с новым, ярким, запечатал сосуд новой, восковой печатью.

— Теперь он простоит ещё сто лет, — с удовлетворением сказал домовый.

Девочки поняли, что мир можно сохранять не только в картинах и словах, но и в запахах. И что каждая эпоха, каждый миг имеет свой уникальный аромат, достойный того, чтобы его сберегли для будущих «читателей». Они пообещали Пахому пополнять его коллекцию и беречь её, как самый ценный архив человеческих (и не только) чувств.

Глава 39

Глава 39. История про Колесо Вре́мён года и застрявшую Весну.

Во дворе, под самой старой и раскидистой яблоней, было место, где времена года сходились. Не физически, конечно, а энергетически. И если тут очень повезёт, можно было увидеть, как по невидимым рельсам катится огромное, сияющее Колесо, на ободе которого были укреплены четыре сиденья. На них восседали сами Времена Года в виде усталых, но добродушных духов: Зима — седая старуха в ледяных кружевах, Лето — рыжеволосый весёлый великан, Осень — задумчивый художник с палитрой, и Весна — юная девушка с венком из подснежников.

Обычно Колесо делало полный оборот за год, плавно передавая эстафету. Но в этот раз что-то пошло не так. Когда Колесо должно было перекатиться от Зимы к Весне, оно вдруг застопорилось. Весна, уже готовая вступить в права, не могла сойти со своего сиденья, потому что оно примёрзло. Да-да, Зима, дремая на своём месте, по рассеянности приморозила подол платья Весны к сиденью ледяным сосулькой.

— Ой, батюшки! — пробормотала Зима, просыпаясь. — Прости, внучка, заснула. Отпущу сейчас.

Но её магия уже ослабевала, сосулька не таяла. А Лето нетерпеливо подталкивало Колесо сзади, отчего оно скрипело, но не двигалось. Весна уже начала плакать росинками, а на земле стоял неприкаянный март — то снег, то слякоть, то солнце, и всё не в настроении.

Девочки, наблюдавшие за этим безобразием из окна, не могли остаться в стороне. Они знали, что лёд тает от тепла. Но как растопить магический лёд Времени? Они решили собрать для Весны самое тёплое, что у них было.

Кира принесла воспоминание о самом жарком летнем дне, запечатанное в стеклянном шарике. Оля — смех папы, который грел, как печка (она «поймала» его в пустую термокружку). Они добавили шепотку перца из кухонной полки (для остроты ощущений), лепесток от засушенной розы (для красоты) и горсть зёрнышек (символ будущего роста).

С этим «размораживающим набором» они подошли к Колесу. Духи Времени удивились, увидев их, но не стали прогонять. Девочки высыпали всё собранное на примёрзший подол. Сначала ничего не происходило. Потом зёрнышки набухли, роза распустилась прямо на льду, а смех и солнечное воспоминание создали над этим местом маленькое, тёплое облачко. Лёд затрещал и растаял.

Весна, освободившись, легко соскочила со своего места, обняла девочек (от неё пахло талым снегом и фиалками) и впрыгнула на землю. Колесо, наконец, плавно провернулось. Воздух сразу потеплел, и из-под прошлогодней листвы робко показались первые, настоящие ростки.

Духи Времени поблагодарили девочек и подарили им по камешку с обода своего Колеса. Камешко Киры был цвета июньской листвы и всегда был тёплым. Камешко Оли — цвета апрельского неба и всегда был прохладным. А Весна пообещала, что в их саду всегда, даже в самые холодные годы, будет зацветать на день раньше, чем у всех. Они поняли, что даже великие природные циклы иногда нуждаются в маленькой, своевременной помощи от тех, кто не боится подойти и подтолкнуть застрявшее Колесо.

Глава 40

Глава 40. История про Календарь Упущенных Возможностей.

Лето было на исходе, и в воздухе витала та особая, меланхолическая сладость, когда каждый миг хочется сохранить впрок. Как-то раз, разбирая старые журналы на чердаке, Кира наткнулась на неприметную коробку из-под обуви. В ней лежал не календарь, а нечто иное: стопка тонких, пергаментных листов, испещрённых не датами, а... дорогами. Вернее, их схемами. На каждом листе в центре был нарисован их дом, а от него расходились, как лучи или ветви деревьев, причудливые линии, уводящие в лес, к реке, на холм. Линии были разных цветов и слегка мерцали в лучах пыльного чердачного солнца.

— Смотри, — позвала Кира Олю. — Это же карты... но куда?

Оля коснулась одного из листов, на котором золотая линия вела в самую чащу леса, туда, где они никогда не бывали. Пергамент дрогнул, и девочкам показалось, что они услышали далёкий, зовущий шелест листвы. Это был Календарь Упущенных Возможностей. Он фиксировал не дни, а те пути, которые открывались перед домом в моменты особого волшебного напряжения — на рассвете в день летнего солнцестояния, в полнолуние над старым дубом, во время грозы, когда молния била в холм. Эти дороги были квантовыми, мимолётными. Они вели не в место, а в событие, в возможность встречи с чем-то необычайным. Но чтобы ступить на такую тропу, нужно было оказаться в нужной точке в нужный миг, а потом — сделать правильный выбор на каждом развилке.

Большинство этих возможностей были упущены. Дороги на пергаменте тускнели и обрывались. Но несколько из них, самые свежие, ещё слабо пульсировали светом.

— Это как книга приключений, где мы пропустили все самые интересные главы, — сокрушённо сказала Оля.

— Не все, — возразила Кира, вглядываясь. — Вот эта... видишь? Она ещё теплится.

Это был лист с серебристой, похожей на лунную дорожку, линией, которая вела на север, к дальним холмам, которые виднелись на горизонте сизой полосой. В конце линии стояла маленькая, изящная пометка в виде башенки с куполом.

— Обсерватория, — прочитала Кира. — Старая, заброшенная. Папа говорил, что она там есть, но дорога заросла.

— А дата? — спросила Оля.

Кира перевернула лист. На обороте мельчайшими буквами было выведено: *«Путь откроется в полнолуние, когда тень от Ветряка укажет на Камень Совы. Ищи начало у ручья под старой ольхой».*

Следующее полнолуние было через три дня. Ветряк — это давно сломанная деревянная конструкция на краю деревни. Камень Совы — валун причудливой формы в ближнем лесу, на котором угадывался силуэт птицы. Девочки знали его.

Решение созрело мгновенно. Они впервые держали в руках не просто карту к чуду, а инструкцию по его применению. Это было серьёзно. Они начали готовиться, как экспедиция: запаслись бутербродами, фонариками, верёвкой (на всякий случай) и, самое главное, положили в рюкзак свои талисманы — тёплый камешек от Колеса Времени и прохладный камешек оттуда же.

В ночь полнолуния они, сказав родителям, что идут ловить светлячков у ручья, отправились в путь. Лунный свет был настолько ярким, что отбрасывал чёткие тени. Они нашли Камень Совы и, затаив дыхание, наблюдали, как длинная тень от лопасти ветряка, медленно вращаясь, накрывала камень, а затем тонким, как игла, лучом тени упёрлась точно в высеченный глаз совы.

— Ручей под старой ольхой! — шепнула Оля.

Они побежали. Ручей журчал, ольха стояла, кутаясь в серебристый свет. И там, где её корни сплетались с водой, они увидели то, чего раньше не замечали: воду, струившуюся не вниз, а *вбок*, образуя над землёй сияющую, похожую на текучее стекло, арку. Это и было начало серебристой дороги.

Переглянувшись и крепко взявшись за руки, они шагнули внутрь.

Мир за аркой изменился. Это был всё тот же лес, но... приправленный лунной магией. Цветы светились бледным неземным светом, тени двигались самостоятельно, а воздух был густым и звонким, как горный хрусталь. Серебристая тропа под их ногами была вполне материальной. Они шли по ней, чувствуя, как с каждым шагом обычная реальность остаётся всё дальше позади.

Путь был долгим и полным маленьких испытаний. Тропа разветвлялась, и им приходилось выбирать, слушая интуицию и подсказки календаря («где папоротник склонился к востоку», «где сова промолчит трижды»). Однажды тропа привела их к пропасти, через которую был перекинут мост из паутины и лунного света. Страшно было до слёз, но они прошли, потому что мост пел им тихую, убаюкивающую песню.

Наконец, они вышли на вершину холма. Перед ними, чёрным силуэтом на фоне огромной луны, стояла Зброшенная Обсерватория. Круглая каменная башня с отвалившейся частью купола, оплетённая корнями деревьев и путами дикого винограда. Она выглядела не просто старой. Она выглядела *спящей*. Или мёртвой.

Но на самом верху, в проёме разрушенного купола, горел одинокий, маленький огонёк. Как звезда, затерявшаяся на земле.

Девочки подошли к массивной дубовой двери. На ней не было ни ручки, ни замка, только вырезанное в камне изображение звёздного неба с пустым, тёмным кругом в центре, где должна была быть луна. Кира, не раздумывая, приложила к этому кругу свой тёплый, летний камешек. Ничего. Тогда Оля приложила свой прохладный, весенний. Камни замерцали, и тёмный круг впитал их свет, став похожим на матовое стекло. Раздался тихий скрежет, и тяжёлая дверь отъехала в сторону.

Внутри пахло пылью, старыми книгами и озоном, будто после грозы. В луче света от купола парили мириады пылинок. И посередине круглого зала, на постаменте, стоял не телескоп, а нечто иное: сложный аппарат из бронзы, хрустальных линз и вращающихся сфер, напоминающий гигантский, прекрасный механический цветок или армиллярную сферу невероятной сложности. Это был Астрариум — прибор не для наблюдения за звёздами, а для *настройки* волшебных потоков, связывающих их мир с другими.

И он был сломан. Несколько линз были треснуты, шестерёнки заржавели и застыли, а одна из ключевых сфер, та, что должна была изображать Луну, отсутствовала вовсе. Именно её гнездо и светилось тусклым аварийным светом на самом верху аппарата.

Рядом с Астрариумом, на груде фолиантов, спал тот, кто зажёл огонёк в куполе. Это был не человек. Существо было ростом с кота, с телом, покрытым мягкой, серо-голубой шерсткой, большими, как у совы, глазами (сейчас закрытыми) и тонкими, почти прозрачными крылышками, сложенными за спиной. Оно тихо посапывало, а из его лапки выпал крошечный, изящный инструмент, похожий на отвёртку со звездой на конце.

— Он... чинил? — прошептала Оля.

В этот момент существо вздрогнуло и открыло глаза. Глаза были цвета тёмного аметиста и полны такой безысходной усталости и тревоги, что девочкам стало жалко его до слёз.

— Вы... вы пришли? — проскрипело оно голосом, похожим на шуршание старых страниц. — Я уже почти потерял надежду. Меня зовут Люмен. Я... кастелян Обсерватории. Вернее, то, что от него осталось.

И, обняв себя тонкими лапками, существо разрыдалось тихими, серебристыми слезами.

Глава 41

Глава 41. История про Шепчущую Библиотеку и Чертежи Рассвета.

Пыль в Обсерватории ещё колебалась в луче лунного света, а в глазах Люмена, существа с крылышками, уже вспыхивала крошечная искорка надежды. Его слёзы, упав на каменный пол, не растекались, а застывали мелкими сияющими жемчужинами, которые тут же укатывались в тёмные углы, словно стыдясь собственного появления.

— Вы видите, — прошептал Люмен, махнув лапкой в сторону сломанного Астрариума. — Он замер. Сердце этого места больше не бьётся. А без его ритма... без его тихой музыки... волшебство уходит, как вода в песок.

Он объяснил, что мир людей и мир сказочных существ когда-то были переплетены теснее. Астрариум был не изобретением, а находкой, древним механизмом, настроенным предками на гармонию между мирами. Он как камертон задавал тон реальности, позволяя лешему шуметь в чащобе, не пугая людей, а домовому — возиться на кухне, не становясь невидимкой. Он превращал грубую магию в тонкое, почти незаметное волшебство, вплетённое в повседневность.

— А теперь, — голос Люмена дрогнул, — они забывают. Не только люди забывают нас. Мы начинаем забывать сами себя. Я... я на днях не мог вспомнить формулу для полировки линзы Венеры. Она просто вылетела из головы. Как будто её кто-то стёр.

Кира и Оля слушали, заворожённые и напуганные одновременно. Их маленькие приключения с рогатым зайцем и говорящей тыквой теперь обретали новый, зловещий смысл. Это были не просто чудеса — это были *последние* чудеса, вспышки перед закатом.

— Что нужно сделать? — спросила Кира твёрдым голосом, в котором прозвучала нота той самой ответственности, о которой она переживала, глядя в Зеркало внутреннего мира.

Люмен взлетел, взмахнув крыльями с едва слышным серебристым звоном, и уселся на край Астрариума, рядом с пустым гнездом для Лунной Сферы.

— Нужно его починить. Полностью. Это не просто замена сломанных деталей. Каждая часть Астрариума сделана не из материи, а из... сгустков событий, отголосков стихий, застывших мгновений. Лунная Сфера, которую украли... — он замолчал, покусывая лапку.

— Кто украл? — сразу спросила Оля.

— Не знаю. Но без неё бесполезно всё остальное. Она — катализатор, она собирает и умножает силу всех остальных компонентов. Сначала нужно найти части. Первая — это Чертежи Рассвета. Без них мы как слепые. Они показывают, как всё должно быть соединено, но не на бумаге, а... в памяти света.

— И где они?

— В Шепчущей Библиотеке, — ответил Люмен. — Это не совсем библиотека. Это место, где хранятся тени знаний. Оно находится в Лесу Забытых Слов, куда ведёт тропа, появляющаяся только тогда, когда кто-то искренне сожалеет об утраченном знании.

Девочки переглянулись. Утраченное знание? В их головах вертелись школьные формулы и стихи, но это было не то. И тут Кира вспомнила.

— Бабушкина малина! — выдохнула она. — У неё был особый сорт, с медовыми ягодами. Она всегда говорила, что секрет — в том, как подвязывать кусты и какой водой поливать на восходе. Но она не успела нам рассказать... она заболела, а потом...

На её глаза навернулись слёзы. Оля кивнула, её лицо тоже стало печальным. Они обе искренне сожалели об этом утраченном, маленьком, но таком важном знании. В этот миг воздух в Обсерватории задрожал. От одной из трещин в стене потянулась бледная, едва видимая дымка, которая сформировалась в узкую тропинку, ведущую прямо сквозь камень.

— Вот она, — прошептал Люмен. — Ступайте. Я не могу. Моя сила привязана к Обсерватории. Я буду ждать.

Тропинка оказалась порталом. Шагнув в неё, девочки очутились не в лесу, а в пространстве, похожем на гигантский чердак вселенной. Вместо полок здесь висели... капли. Мириады прозрачных, мерцающих капель разных размеров, в которых, как в голограммах, мелькали образы: как правильно складывать костёр, чтобы он пел; как понимать язык дождевых капель; как найти дорогу по мху, который уже почти не растёт в их лесах. Это и были тени утраченных знаний. Воздух гудел тихим, печальным шёпотом — голосами всех, кто что-то знал и не передал дальше.

Библиотекарем здесь был старец, похожий на высохший гриб, в одеянии из паутины. Он был нем, но понимал язык жестов и взглядов. Узнав, зачем они пришли, он повёл их в самую глубь, где висели самые большие и древние капли. В одной из них, цвета перламутра и утренней зари, плавали не буквы, а движущиеся схемы из лучей света — Чертежи Рассвета. Чтобы получить их, нужно было не взять каплю, а... запомнить. Впитать в себя.

Девочки сели напротив капли, взялись за руки и стали смотреть, сливаясь в одном желании понять. Световые схемы начали проникать в них, не через глаза, а прямо в сознание. Они чувствовали, как в их памяти укладываются причудливые знания о преломлении волшебных лучей, о резонансе кристаллов и звёздных песен, о том, как настроить бронзовое сердце Астрариума на биение мира.

Процесс был изнурительным. Когда они, бледные и взволнованные, вернулись в Обсерваторию, в их глазах светилось новое, странное понимание. Они не могли это объяснить словами, но теперь *знали*, как должен выглядеть целый Астрариум.

— Отлично, — сказал Люмен, осмотрев их сияющие лица. — Теперь вы видите путь. Первая деталь, которую мы можем попытаться сделать без Лунной Сферы — это Проводник Первого Вздоха Ветра. Он нужен, чтобы оживить воздушные каналы аппарата. А для него нужна...

— Шестерёнка из Звука Первого Грома, — неожиданно закончила за него Кира, сама удивившись своим словам. Знание из Чертежей всплыло само собой.

— Именно, — кивнул Люмен. — Но гром — дело прошлое. Его звук живёт лишь в одном месте — в Эхе Спящего Утёса. А чтобы добраться туда, нужно договориться с Хранителем Тишины. И он, говорят, совсем перестал кого-либо слушать... будто оглох от всеобщего забытья.

Путь намечался долгий и трудный. Но теперь у девочек была карта в головах и великая цель в сердцах. Они пообещали Люмену вернуться завтра с рассветом и отправились домой, проклиная тот факт, что им всё ещё нужно ходить в школу и делать уроки, когда на кону стоит судьба целого невидимого мира. В ту ночь им обоим снились сны, полные бронзовых шестерёнок и далёкого, сердитого рокота грома, запертого в каменной темнице.

Глава 42

Глава 42. История про Хранителя Тишины и Эхо Спящего Утёса.

Мысль о школе на следующий день казалась Кире и Оле нелепой и невыносимой. Как можно решать задачи про скорость поездов, когда в Заброшенной Обсерватории умирает волшебство, а в Лесу Забытых Слов шепчутся призраки знаний? Они еле дождались окончания уроков и, наскоро перекусив, собрали рюкзаки куда основательнее, чем в прошлый раз: кроме бутербродов и фонариков, там были верёвка, компас (хотя и сомневались, поможет ли он), пустая стеклянная банка с плотной крышкой (для эха, как предположила Оля) и, конечно, талисманы.

Люмен встретил их у двери Обсерватории. Он выглядел чуть менее подавленным, а вокруг его лампы-тела даже переливалось слабое сияние.

— Чертежи уже работают, — сообщил он, указывая на Астрариум. — Видите? Пыль на центральной оси чуть сместилась. Механизм... вспоминает, каково это — быть живым. Но без Проводника Ветра он так и останется красивой статуей.

— Где искать Хранителя Тишины? — без предисловий спросила Кира, сбрасывая рюкзак.

— На Краю Шёпота. Это такое место, где даже мысль звучит громче, чем крик. Добраться туда можно через Овраг Отзвуков. Каждый ваш шаг там будет рождать эхо прошлых шагов, слов, вздохов. Оно может сбить с толку, запутать, даже напугать. Нужно идти, не обращая внимания на отголоски, сосредоточившись на одной цели — на тишине впереди.

Путь к Оврагу Отзвуков лежал через знакомый лес, но вскоре знакомые тропинки стали вести себя странно. Дуб, под которым они всегда отдыхали, вдруг оказался слева, а не справа. Ручей, который должен был течь на восток, упрямо бежал на запад. Пространство искривлялось, подчиняясь иной геометрии.

— Это из-за утечки магии, — пояснил бы Люмен, но он остался ждать. — Реальность становится... зыбкой.

Наконец, они вышли к краю глубокого, извилистого оврага. Стоило им сделать шаг на его сыпучую тропу, как со дна поднялся шквал звуков. «*Топ-тон-тон*» — это эхо их собственных только что сделанных шагов. «*Не ходи туда!*» — чей-то давнишний, испуганный шёпот, застрявший здесь, может быть, сто лет назад. «*Смеётся... почему она смеётся?*» — завистливый голосок. «*Где мой карандаш?*» — это уже голос Оли, но такой, каким она говорила в прошлом году.

Эхо набрасывалось на них со всех сторон, пытаясь отвлечь, вызвать эмоции, заставить оглянуться или ответить. Кира зажала уши, но звуки проникали прямо в голову. Оля попробовала петь, чтобы заглушить их, но её собственная песня, повторённая эхом сто раз, превратилась в оглушительную, бессмысленную какофонию.

— Не бороться, — сквозь стиснутые зубы прошептала Кира, вспоминая наставление. — Игнорировать. Цель — тишина.

Они шли, уставившись в землю перед ногами, мысленно повторяя как мантру: «Тишина, тишина, тишина...». Это было невероятно трудно. Эхо дразнило, пугало, льстило. Один голос, похожий на мамин, так трогательно позвал Олю домой, что у неё навернулись слёзы. Но они шли.

Чем дальше, тем эхо становилось тише, реже. Оно выдыхалось, как буря, затихая до шёпота, а потом и до полного безмолвия. Они вышли на ровную каменную площадку — Край Шёпота. Звука здесь не было вовсе. Даже их собственное дыхание, биение сердца — всё поглощалось абсолютной, ватной, давящей тишиной. В центре площадки сидел Хранитель.

Он был похож на огромный серый камень, покрытый лишайником. Только когда девочки приблизились, они разглядели в его очертаниях сторбленную фигуру, ушедшую головой в колени. Он не шевелился.

— Здравствуйте, — осторожно сказала Кира. Никакой реакции. Звук её голоса не родил даже эха, просто испарился, не долетев до существа.

Оля попробовала коснуться его «плеча». Камень был тёплым и слегка вибрировал, как гитарная дека. Существо медленно подняло голову. У него не было лица в человеческом понимании — только гладкая, каменная поверхность с двумя глубокими впадинами, в которых тлели тусклые, как забытые угли, огоньки.

Оно «заговорило». Не звуком, а... вибрацией, которая передавалась через камень прямо в кости девочек, превращаясь в слова у них в голове.

Кто шумит? Кто нарушает Покой?

— Мы не шумим, — мысленно ответила Кира, поняв, как нужно общаться. — Мы ищем путь к Спящему Утёсу. Нам нужно Эхо Первого Грома.

Гром? — вибрация стала резче, болезненней. **ГРОМ! ШУМ! РАЗРЫВ!** Он разорвал Тишину в начале мира. Он оставил ирам в небесах. Я спрятал его отголосок, чтобы он больше никого не тревожил.

— Но он нужен, чтобы починить машину, которая поддерживает тишину... то есть, гармонию! — в отчаянии мысленно крикнула Оля. — Без неё все звуки спутаются, ваш покой тоже нарушат!

Хранитель замер. Огоньки в его глазницах вспыхнули чуть ярче. Он, казалось, прислушивался к миру за пределами своего каменного кокона. И, видимо, услышал то, что слышали девочки — фальшивые ноты в тихой симфонии реальности, тревожный гул нарастающего хаоса.

Ложь... — пробормотал он, но уже без прежней уверенности. *Магия уходит... и с ней уходит порядок. Хаос громче тишины.*

Он медленно поднял руку (скорее, каменный выступ) и указал на дальнюю стену оврага. Камень там был не серым, а чёрным, зеркально-гладким.

Там дверь. Она ведёт к Подножию Утёса. Но предупреждаю: Эхо не захочет быть пойманным. Оно дикое и гордое. Оно помнит себя молнией.

Они поблагодарили Хранителя (он снова ушёл в себя, словно каменная глыба) и подошли к чёрной стене. Дверь была невидима, но стоило прикоснуться, как камень подался, превратившись в прохладную, текучую поверхность, похожую на масло. Они прошли сквозь неё.

И очутились у подножия гигантского, отвесного утёса из чёрного базальта. Утёс спал. Это было видно — его склоны дышали медленно и глубоко, а с вершины струился лёгкий, серебристый сонный туман. Где-то высоко, в расщелине, должно было быть спрятано Эхо.

Лезть на гладкую, почти вертикальную стену было безумием. Но в Чертежах Рассвета было решение. Кира, сосредоточившись, вспомнила схему «Резонансного шага». Нужно было не цепляться за камень, а... отталкиваться от его собственного, спящего звука. Она осторожно поставила ногу на скалу и попробовала представить, что ступает не на твёрдое тело, а на плотную, упругую тишину. Нога не соскользнула. Оля, повторив за ней, ахнула от удивления. Они пошли вверх, как по невидимой лестнице, каждый шаг рождал едва слышный, чистый звон, как у хрустального бокала.

Поднявшись на сотню метров, они нашли расщелину. Внутри не было ничего, кроме... пустоты. Но пустоты особого рода. Она искрилась, как воздух над раскалённым асфальтом, и от неё исходило глухое, подавляющее давление. Это и было запёртое Эхо Первого Грома.

— Банка! — сказала Оля.

Они открыли стеклянную банку и осторожно поднесли её к расщелине. Ничего не происходило. Эхо не было материей. Как поймать звук?

Кира вспомнила ещё один фрагмент Чертежей — «Спираль призыва». Она начала тихо напевать мотив, который пришёл ей в голову — простой, из пяти нот. Оля подхватила. Их голоса, сплетаясь, образовали живую, вибрирующую спираль, которая устремилась в расщелину. Они пели о силе, о свободе, о том, как здорово снова загреметь на весь мир, но уже не разрушая, а оживляя.

Эхо отозвалось. Оно потянулось к их песне, как железные опилки к магниту. В банке что-то зашумело, забурлило. Воздух внутри за клубился, засверкал микроскопическими молниями. Они быстро закрыли крышку. В банке, теперь тяжёлой и тёплой, бушевал миниатюрный ураган.

Спуск был легче. Хранитель Тишины, когда они проходили мимо, лишь слегка качнулся, будто кивая. Он, кажется, понял, что они забирают не просто шум, а инструмент для восстановления большего Порядка.

Вернувшись в Обсерваторию на рассвете следующего дня (пришлось снова врать про ночную прогулку), они отдали банку Люмену. Тот, с помощью сложных инструментов и знаний из Чертежей, «вытянул» из пойманного эха чистую, звенящую, как удар по меди, вибрацию и отлил из неё маленькую, идеальную шестерёнку. Когда он установил её в Астрариум, аппарат вздохнул. Буквально. По его трубкам прошёл слабый, но уверенный поток воздуха, и несколько пылинок, лежавших на линзах, сдулись.

— Первый шаг, — прошептал Люмен, и в его голосе впервые зазвучала гордость. — Теперь он дышит. Следующее — Охладитель Лунного Света. Без него механизм перегреется, когда мы вставим главную сферу. А для него нужна Хрустальная Роса с Паутины Веков. И её охраняет...

— Ткач Времени, — хором закончили девочки, чувствуя, как в их памяти всплывает новая порция знаний из Чертежей. Им предстояло встретиться с тем, кто плетёт саму ткань реальности, и попросить у него слезу с паутины, которой миллион лет. Задача казалась невыполнимой. Но они уже сделали первый шаг. И Астрариум, пусть тихо и робко, но *задышал*.

Глава 43

Глава 43. История про Ткача Времени и Паутину Веков.

Дыхание Астрариума было едва уловимым — слабый поток воздуха, шевелящий вековую пыль на капителях колонн. Но этого было достаточно, чтобы в Обсерватории поселилась робкая надежда. Люмен, окрылённый успехом, порхал от одной части механизма к другой, счищая окись и проверяя соединения, которые теперь казались не такими безнадёжными.

— Охладитель Лунного Света, — говорил он, указывая на изящную спиралевидную трубку из голубоватого металла, впаянную в центральный кристалл. — Без него, когда мы вернём сферу, чистая энергия луны расплавит сердцевину за секунды. Он работает на конденсате времени, на самой его сути. И эта суть — Хрустальная Роса, оседающая на Паутине Веков, которую ткёт Ткач.

— А где его искать? — спросила Оля, с трепетом глядя на чертежи, которые теперь жили у неё в голове как трёхмерная, светящаяся карта.

— Вне потоков, — ответил Люмен, садясь на край стола с инструментами. — Там, где время не течёт, а... лежит пластами, как тесто. В Лоскутных Землях. Попасть туда можно только через разрыв в ткани реальности. И разрыв этот... — он замаялся, — ...чаще всего возникает от сильного противоречия. Когда настоящее яростно спорит с прошлым, или будущее отчаянно не хочет наступать.

Кира нахмурилась. Это звучало абстрактно и опасно.

— И как нам создать такое... противоречие?

— Не создавать. Найти. Они случаются. Например, — Люмен задумался, — в месте, где кто-то очень старый живёт рядом с кем-то очень новым и они не понимают друг друга. Или где забытое обещание взывает к тому, кто давно о нём забыл. Нужно быть чуткими. Искать диссонанс.

Поиски привели их не в лес и не на холм, а на окраину их же деревни, к дому, который все называли «Домом двух бабушек». В нём действительно жили две сестры. Одна, Агафья, была старше века, казалось, помнила ещё царя-гороха. Она жила в прошлом: её речь была полна архаизмов, она носила платья дореволюционного покроя и выращивала на окошке герань сорта, которого уже нигде не было. Другая, Клавдия, была моложе, но ненамного. Она жила в будущем: заказала себе «умную» колонку, через которую общалась с далёкими внуками, увлекалась биткойнами (хотя плохо понимала, что это) и мечтала купить робота-пылесоса. Они ссорились каждый день. Агафья кричала, что «эта шарманка бездушная», имея в виду колонку. Клавдия ворчала, что «пора бы выбросить этот рухлядный комод», указывая на старинный буфет.

Это и был тот самый диссонанс — прошлое и будущее, упирающиеся друг в друга лбами в одном настоящем. Девочки, притаившись за забором, чувствовали, как воздух между флигелями дома вибрирует, гудит от неразрешённого спора. И в самый пик перепалки, когда Агафья запела старинную песню, а Клавдия в ответ включила на полную громкость электронную музыку, пространство между розами и спутниковой тарелкой *надорвалось*.

Не со звуком, а с лёгким хлопком, как лопнувший мыльный пузырь. Образовалась щель, из которой сочился странный, переливающийся всеми оттенками серого свет.

— Быстрее! — схватив Олю за руку, крикнула Кира.

Они прыгнули в щель, и та захлопнулась за ними, оставив ссорящихся сестёр в их вечном, бытовом противостоянии.

Лоскутные Земли оказались именно такими, как описывал Люмен: пейзаж здесь был сшит из кусков разных эпох. Под ногами могла быть вытоптанная тропа каменного века, которая через десять шагов превращалась в асфальтовую дорожку из будущего с летающими маши-

нами-призраками. Рядом стояла берёза, на одной половине покрытая молодой листвой, а на другой — уже осенней, жёлтой, и под ней лежал сугроб. В небе плыли облака, одни — пушистые и кучевые, другие — строгие, геометрические, будто нарисованные цифровым художником.

Здесь не было времени. Был лишь его хаотичный архив.

Их проводником стал местный обитатель — Существо-Наблюдатель, похожее на ходячий стог сена с множеством глаз-бусинок на разных «прутьях». Оно не говорило, но показывало направление, поворачивая свои стебли.

— Нам нужен Ткач, — сказала Кира, не зная, поймёт ли её это создание.

Наблюдатель затрепетал и повёл их через лабиринт временных аномалий. Они переступали через ручей, в котором текли не вода, а тихие детские смешки (прошлые). Проходили под аркой, сложенной из светящихся, несуществующих ещё букв (будущее). Наконец, они вышли на поляну, где царила совершенная, почти священная тишина.

В центре поляны стоял... не человек, не паук, не машина. Это была сущность. Она выглядела как текучая, полупрозрачная фигура, из которой в бесконечность уходили миллионы сияющих нитей. Одни нити уходили вверх, в небо, и терялись в облаках-эпохах. Другие — в землю, уходя в пласты прошлого. Третьи вились вокруг, создавая сложнейшие узоры. Это и был Ткач Времени. Он не ткал полотно — он *был* тканью и процессом тканья одновременно.

Одна из нитей, самая толстая и мерцающая холодным светом, спускалась с некоего невидимого станка и заканчивается изящной, застывшей в воздухе паутиной. На её тончайших волокнах, переливаясь, как алмазы, висели капли — Хрустальная Роса. Это была не вода, а сконденсированная чистая длительность, момент, растянутый в вечность.

Девочки замерли, боясь потревожить божественное существо. Но нужно было просить. Кира сделала шаг вперёд.

— Великий Ткач, — начала она, голос дрожал. — Нам нужна одна капля росы с вашей Паутины Веков. Чтобы охладить сердце машины, которая поддерживает баланс. Волшебство умирает.

Ткач не повернулся. Он, казалось, не замечал их. Его внимание было поглощено одной нитью, которая вдруг стала тускнеть и истончаться — нить, ведущая в их собственный мир, в настоящее. Он касался её эфирными пальцами, пытаясь укрепить, но нить продолжала слабеть. Это был наглядный результат поломки Астрариума — сама ткань реальности истончалась в их сегменте.

Ткач издал звук — тихий, подобный звону разбитого хрусталя. В звуке этом была печаль и усталость.

Оля, не в силах выдержать молчание, вдруг заговорила. Не как проситель, а как свидетель.

— У нас есть чертежи. И мы уже починили дыхание. И мы найдём Лунную Сферу. Мы обязательно починим! Мы обещаем!

Она сказала это с такой искренней, детской убеждённости, с такой верой, что даже воздух на поляне задрожал. Ткач медленно повернул к ним часть своего сияющего «лица». Его взгляд (если это можно было назвать взглядом) упал на них. Он увидел не двух маленьких девочек, а две яркие, горячие точки в ослабевающей нити — точки упрямой надежды и действия.

Одна из его бесчисленных рук (плетей света) потянулась к Паутине Веков. Он не сорвал каплю. Он аккуратно подставил под неё нечто вроде миниатюрной ладони из того же света, и капля сама, будто подчиняясь его воле, скатилась в неё. Затем он протянул эту световую ладонь к Оле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.